

НИВА

Иллюстрированный журнал литературы. XVII г. № 51. 1886

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1887 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку попарейль (1/2 шир. стр.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран. для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.	ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“: Безъ доставки въ Петербургъ . . . 4 р. Съ доставкою въ Петербургъ . . . 5 р. 50 к. За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 7 руб.	ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.
--	--	---

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР.. Д. № 6
ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

К. Н. Посыетъ.
Вскорѣ будетъ праздноваться 50-ти-лѣтній юбилей служебной дѣятельности одного изъ высшихъ сановниковъ нашихъ, стоящаго во главѣ вѣдомства Путей Сообщенія. Министръ путей сообщенія, генералъ-адъютантъ адмиралъ Константинъ Николаевичъ Посыетъ, происходитъ изъ дворянъ великаго княжества Финляндскаго. Родился 1819 г. и воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Семнадцати-лѣтнимъ юношей К. Н. произведенъ въ мичманы, съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ, и по экзамену, — въ лейтенанты. Въ 1852 г. назначенъ на фрегатъ „Паллада“, который обвѣстилъ нашъ знаменитый писатель И. А. Гончаровъ, бывший въ этой экспедиціи, въ своей превосходной книгѣ. К. Н. состоялъ при начальникѣ экспедиціи, генералъ-адъютантъ Путятинѣ, побывавъ въ Японскомъ морѣ и поднимався по рѣкамъ Амуру и Шилкѣ. Съ этой экспедиціи начинается извѣстность К. Н. и быстрое повышение его служебной

карьеру. 10-го мая 1856 г. К. Н. былъ Высочайше командированъ въ Японию для ратификаціи трактата, заключеннаго между Россіею и Японіею въ 1855 г.; по исполненіи порученія онъ возвратился въ С.-Петербургъ чрезъ Индію, Египетъ, Францію и Германію. Въ 1858 г. К. Н. получилъ важное и высокое назначеніе. Онъ назначенъ былъ состоять при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ, съ зачисленіемъ по флоту. Съ этого года до 1873 г., К. Н. постоянно сопровождалъ во всѣхъ плаваніяхъ В. К. Алексія Александровича, а также потомъ великаго князя Николая Константиновича. Въ 1864 г. онъ сопровождалъ Алексія Александровича въ поѣздку его высочества за границу и затѣмъ въ извѣстной поѣздкѣ его высочества на сѣверъ Россіи, на Мурманъ, въ Бѣлое море и на Соловки. Во время пребыванія за границею, К. Н. былъ пожалованъ многими иностранными орденами отъ королей прусскаго и вюртембергскаго,

Министръ Путей Сообщенія генералъ-адъютантъ К. Н. Посыетъ.
По фот. Левинскаго, грав. Ю. Барановскій.

великаго герцога гессенскаго и друг. Переведенный затѣмъ въ гвардейскій экипажъ, съ оставленіемъ при его высочествѣ, назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества и вскорѣ произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1866 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, черезъ два года произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ почетнымъ при великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Министромъ путей сообщенія, съ оставленіемъ въ прежнихъ двухъ званіяхъ, Константинъ Николае-

вичъ назначенъ въ 1874 году и пожалованъ чиномъ адмирала. К. Н. состоитъ членомъ Комитета морскихъ учебныхъ заведеній и почетнымъ членомъ Импер. Московскаго Университета, Общества русскаго торговаго мореходства, Николаевской морской академіи, Императ. Академіи Наукъ и пр. Книга, имъ изданная, по предмету вооруженія судовъ, до сихъ поръ считается лучшимъ по этому дѣлу сочиненіемъ, пользующимся между моряками большою извѣстностью.

Предсказаніе. Повѣсть В. Желиховской.

(Окончаніе).

Корзакъ даже вздрогнулъ и не сразу отвѣчалъ, сначала поднявъ изумленный взоръ на Василія Дмитрича, а потомъ совершенно потерявшись.

— Какъ—съ руки?.. Богъ съ тобой! прошепталъ онъ.

— Да такъ, по просту! разсмѣялся тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но всѣмъ намъ свойственному эгоизму, дружище! Она такъ ползла твоимъ дѣтямъ.

— Безъ сомнѣнія... Но съ моей стороны было бы недостойно желать закабалить ее. Неужели ты считаешь меня способнымъ, Василій Дмитричъ?

— Ну! Вотъ ужъ и расходился!.. Задѣли за живую струнку. Не въ томъ дѣло, мой милый; но я понимаю, что сестра боится, что въ деревенской глуши ей не найти себѣ партіи... А жалъ! Хорошенькая и прекрасная дѣвушка!

Они шли нѣкоторое время молча вдоль аллеи.

— А вѣдь ты правъ, Маховникъ! вдругъ воскликнулъ Арсентій Сергѣичъ. Это съ моей стороны вопиющій эгоизмъ!.. Это безсовѣстно!

— Что такое, другъ любезный?

— Что я, изъ-за своихъ расчетовъ, изъ-за эгоистическихъ цѣлей, держу взаперти эту дѣвушку!

— Ну! Пошелъ фантазировать!.. Когда ты отучишься преувеличивать?.. Какъ будто твоя вина, что бѣднымъ дѣвушкамъ приходится хлѣбъ зарабатывать!.. Отпустишь ты ее сегодня,—завтра она попадетъ еще въ гораздо худшую пелюшку. У тебя ей какъ у Христа за пазухой! Живетъ она—госпожей! Оплачиваешь ты ей услуги такъ, что она чуть не содержитъ и сестру свою...

— Неужели?.. Она дѣлится съ сестрой?

— Не дѣлится, а дѣлѣ трети ей отсыластъ! Я еще нахожу со стороны Александры Петровны очень безкорыстнымъ и великодушнымъ, что она хлопочетъ ее выдать замужъ. Она въ моихъ глазахъ выросла!

— Еще бы... Вѣдь этотъ женихъ не богатъ?

— Какое богатъ! Пролетарій.

— И какъ ты думаешь: она точно его не любитъ?

— Думаю что нѣтъ.

— Если, такъ,—то слава Богу!

— А разумѣется слава Богу, что она нашла у тебя пріютъ по сердцу!.. Она твоихъ дѣтей обожаетъ...

— Понятно! Она такъ любитъ сестру... Эту несчастную! вздохнулъ графъ.

„Ну ужъ сестру или брата,—про то бабушка на-двое сказала!“ подумалъ Маховникъ, и громко сказалъ:

— Ну да!.. Нигдѣ ей не можетъ быть лучше какъ здѣсь; особенно вдвоемъ, съ теткой... А ты смотри въ оба!

— То есть какъ же это?..

— А такъ, что если она полюбитъ хорошаго человека, сейчасъ въ посаженные отцы напрашивайся и меня на свадьбу зови.

— О! Разумѣется! такъ искренно воскликнулъ графъ, что обманулъ, совершенно ненамѣренно, даже наблюдательнаго пріятеля.

„Я ошибался! подумалъ тотъ: большой опасности съ его стороны нѣтъ... Тѣмъ лучше! Обоимъ было бы жалъ!“

Маховникъ точно напроорочилъ бѣду или, вѣрнѣе, открывъ глаза Арсентію Сергѣичу, отнялъ у него сразу спокойствіе, которымъ онъ могъ бы еще долго пользоваться, еслибъ продолжалъ относиться довѣрчиво къ своимъ чувствамъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ

и жизнь па повоевельи графа Корзакъ потекла повидимому невозмутима... Но какіе водовороты и омуты смущали, въ глубинѣ, съ наружно-спокойное теченіе, про то знали только сердца, да порой изголовья двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ тайной драмы, разыгрывавшейся въ Наташипскомъ старомъ домѣ, среди зеленыхъ дубравъ, успѣвшихъ забыть житейскія бѣды и невзгоды...

Объ этихъ прошлыхъ тревожащихъ и давно сжоренныхъ печаляхъ иногда задумывалась старушка Марья Семеновна, поглядывая на памятникъ ей смолоду окрестности: на темный прудъ, въ которомъ когда-то погибла красавица Маріанна; на портретъ ея, смотрѣвшій такъ привѣтливо со стѣны галлерей, рядомъ съ портретомъ ея матери, умершей съ горю, убѣдившись, что ея единственная дочь лишилась разсудка, какъ и отецъ ея и дѣдъ... Смотрѣла она и думала про себя:

„Вѣднужка! И понынѣ могла бы ты жить и быть счастливой, еслибъ не вздумалось тебѣ полюбить человека не подходящаго, съ которымъ нельзя тебѣ поиничаться было!..“

Какъ мало думала Сладовольская, что почти одинаковая драма снова повторяется на глазахъ ея, невидная и незамѣтная ни для кого.

XVII.

Сначала Лиза все ждала возобновленія ихъ запятій; она страстно желала ихъ и вышѣтъ боялась. Корзакъ первый заговорилъ о томъ, достаточно-ли она практиковалась въ музыкѣ за его отсутствіе, и почувтилъ, что ужъ теперь не позволить ей лѣниться. Она нѣсколько разъ играла по выбору его и онъ радовался, что его ученица не только не забыла его уроковъ, а, напротивъ, приобрѣла силу и выраженіе, которыхъ прежде ей не доставало.

Все это было еще при Василіи Дмитричѣ. По отбѣздѣ его, Лиза трепетно ожидала, что графъ заговоритъ о ихъ урокахъ, объ игрѣ въ четыре руки, о чтеніяхъ... Но время шло, а графъ молчалъ, и ей даже стало казаться, что онъ ее сторонится.

Тогда и она ушла въ себя, не оскорбленная, но испуганная, напрасно ища разрѣшенія своихъ недоумѣній. Она, въ свою очередь, замѣтно, усиленно начала избѣгать его общества, часто встрѣчаясь съ нимъ только во время обѣдовъ и заиграковъ, а иногда отказываясь и отъ нихъ, подъ предлогами запятій или нездоровья... Разумѣется, графъ замѣчалъ это. Замѣчалъ и мучился болзнью, предположеніями, не выдалъ ли онъ себя? Не оскорбилъ ли ее?.. Живя подъ однимъ кровомъ, день и ночь думая другъ о другѣ, они повидимому были чужды одинъ другому, гораздо чуждѣй чѣмъ многіе посторонніе.

Цѣлые дни Лиза была занята дѣтьми, а графъ проводилъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ гулялъ почти всегда внѣ садовъ и парка; она рѣдко выходила за черту пѣтника. Иногда лишь, вечерами, уложивъ дѣтей, она ускользала въ дальнюю часть стараго парка и тамъ, въ темной глуши деревьевъ, садилась на берегу заупущеннаго озера и подолгу сидѣла недвижимо, глядя на игру послѣднихъ проблесковъ свѣта въ чащѣ или на отраженіе мѣсяца въ водѣ.

Это былъ прудъ, въ которомъ погибла безумная Ма-

рианна Корзакъ. Лиза долго не знала о его существовании, по разъ о немъ заговорила Марья Семеновна, рассказала ей романтическую повѣсть и сама указала роковое мѣсто гибели бѣдной красавицы.

— Прежде все здѣсь было въ порядкѣ, расчищено, красиво, рассказывала Сладовольская; а теперь все заброшено! Вѣрно и графъ съ умысломъ не велѣлъ расчищать дороги къ пруду Маріанны Александровны, — при жизни его онъ такъ и назывался: она очень любила это мѣсто!.. Оттого вѣрно и забрела сюда, въ безуміи, и утопала.

— Она парочно утопилась? спросила заинтересованная Лизавета Петровна.

— Никто не знаетъ... Она пропала два дня и наконецъ ей парфѣ всплылъ на водѣ... Ее и вытащили, бѣдняжку!.. Графъ сюда никогда не ходитъ и не помнитъ объ этомъ мѣстѣ... Понятно! Ему тяжело вспоминать свою бѣдную, молоденькую тетку!

„Никогда не ходитъ?“ мысленно повторила Лиза: и прекрасно!.. Зато она стала часто навѣщать Маріанинъ прудъ, — не для мечтаній, а чтобъ выплакаться или просто посидѣть спокойно, подъ гнетомъ оцѣпенѣнія, близкаго къ безчувствію... Глубокой покой, таинственная тишь этого мѣста уснокительно дѣйствовали на ея измученную душу.

Прошлося лѣто. Осень-пастушила благодатная: тихая, ясная, вся въ нестрыхъ краскахъ и золотыхъ лучахъ.

Разъ вся семья сидѣла за обѣдомъ, когда принесли почту, почему-то запоздавшую въ этотъ день. Писемъ не много получали въ Патаиниѣ, но оченъ много журналовъ, книгъ и газетъ.

Все полученное положили тутъ же, на особый столъ, гдѣ обыкновенно пили кофе. Послѣ обѣда графъ подошелъ посмотрѣть; дѣти подбѣжали за нимъ, — Павлуша требовалъ „картинокъ...“ Подошла и Марья Семеновна заваривать кофе. Только Лиза, постоявъ у окна, хотѣла было уйти, когда графъ остановилъ ее, сказавъ:

— Вамъ письмо, Лизавета Петровна.

Она подошла довольно равнодушно и распечатала со словами:

— Вѣрно отъ Сашеньки.

Но взглянувъ на адресъ, она увидала незнакомую руку... На большомъ листѣ было всего нѣсколько словъ, написанныхъ крупнымъ, мужскимъ почеркомъ.

Лиза, едва взглянувъ, прочла ихъ:

„Сестрица ваша, графиня Корзакъ, спрашиваетъ меня, въ какихъ отношеніяхъ состоите вы къ ея супругу?.. А я почему знаю!.. Что прикажете ей отвѣчать?“

Армидовъ.“

Въ глазахъ бѣдной дѣвушки потемнѣло, она похолодѣла и, выпустивъ изъ рукъ письмо, съ тихимъ стономъ упала на коверъ.

Марья Семеновна бросилась къ ней на помощь, перенукавшая дѣти тоже. Павлуша такъ и упала на нее съ плачемъ; маленькая Нина раскричалась отчаянно... А письмо лежало возлѣ безчувственной дѣвушки, широко развернутое, сіяя крупными черными буквами, невольно привлекая взгляды... Арсеній Сергѣичъ, поблѣднѣвъ не менѣе самой Лизы, приподнялъ и положилъ ее въ кресло, а глаза его, одновременно съ взглядомъ Марьи Семеновны, остановились на роковыхъ строкахъ. Несчастная старуха опустила на колѣни возлѣ плачущицы: у нея подкосились ноги. Она могла только отчаянно прошептать:

— О, Нина! Несчастная!.. Погибшая грѣшница!..

И она упала головой на колѣна Лизы, неутѣшно рыдая.

Графъ шатаясь вышелъ изъ комнаты, занерся у себя и, закрывъ лицо руками, задалъ себѣ вопросъ: что-жъ теперь дѣлать?..

Вопросъ былъ не легкій. Вступиться за несчастную,

оскорбленную дѣвушку? Убить этого негодяя?.. Это было легко! Это казалось естественно!.. Но не значило ли это окончательно сгубить репутацію Лизы, отдать ей честное имя на поруганіе, — на-вѣки запятнать ее, чистую, непорочную, въ безумномъ, злобномъ, но все-сильномъ мнѣніи людей?..

Онъ былъ связанъ по рукамъ! Онъ былъ безсиленъ!.. Онъ съ яростью сознавалъ, что ради ея онъ долженъ бездѣйствовать, что лучшее, что могъ онъ сдѣлать ей въ услугу — это притвориться, что ничего не знаетъ, что не читалъ письма Армидова, что не обратилъ вниманія на обморокъ ея.

„Чего ей надо, этой безсердечной, ядовитой змѣѣ?.. вопрошалъ онъ самъ себя. Чего еще она хочетъ?..“

Чего она хотѣла, — онъ вскорѣ узналъ.

Не долѣе какъ черезъ нѣсколько дней онъ прочелъ ей письмо, — первое письмо своей, когда-то обожаемой, жены! Оно тоже было не длинно, но краснорѣчиво:

„Я въ ужасномъ положеніи, благодарю вашему дикому упорству. Или дайте мнѣ разводъ, чтобъ я могла выйти за другого, — или увеличьте мое содержаніе. Мнѣ не па что жить! Я въ долгу... Пришлите немедленно двадцать тысячъ“.

Слѣдовали имя, — *его* имя! — и подробный адресъ.

„Вотъ въ чемъ дѣло! подумалъ Корзакъ. Хорошо... Я дамъ тебѣ разводъ, но только я буду правой стороной, — а не ты!..“

Но, пораздумавъ, онъ ужаснулся глубокой грязи такого дѣла... Онъ бросилъ письмо ея въ огонь и рѣшилъ не отвѣчать. Онъ только приказалъ съ этой поры приносить всю корреспонденцію прямо въ кабинетъ его. Туда никто не входилъ безъ спросу... Онъ боялся съ писемъ къ Лизѣ.

Но пока получалъ ихъ онъ одинъ и получалъ довольно часто. Письма становились все рѣшительнѣе и дерзче, но мѣръ того, какъ обстоятельства ея становились хуже. Въ сущности, Нина Павловна нисколько не нуждалась въ разводѣ. Она и безъ него пользовалась неограниченной свободой, — а выходить замужъ теперь ужъ ей положительно было не за кого!.. Но она пользовалась этимъ орудіемъ, въ чаяніи добыть отъ мужа денегъ... Деньги ей были до зарѣзу нужны.

Второе письмо ея лаконически гласило:

„Приходите тотчасъ тридцать или *хоть* двадцать тысячъ, — не то не вамъ одному плохо придется!..“

А третье выражало яснѣе:

„Ты не измѣшь улыкъ противъ меня. Мало ли женъ живуть въ разлукѣ съ мужьями?.. У меня же противъ тебя — живая улыка: весь міръ знаетъ кто утѣшаетъ тебя въ моемъ отсутствіи. Мнѣ писалъ объ этомъ Армидовъ и десятки другихъ. Мнѣ еще недавно рассказывали, что весь Большой удивляется, какъ ловко вы устроились... И мамашу, бѣдную, выписали!.. Она и впускать нынѣшныя и кое-какія дѣлишки ваши прикрываетъ?.. Ничко!.. Тѣмъ хуже для тебя и для нея, если ты не отвѣчаешь на мои письма и вынуждаешь меня *дѣйствовать*... Смотри! Не раскайся!.. Если ты еще ее любишь, то пожалѣй Лизавету Петровну. А можетъ быть вы уже бросили ее, какъ бросили и меня?.. Тѣмъ лучше! J'aurai plus de cordes à mon arc...“

Это посланіе, болѣе длинное чѣмъ другія, Корзакъ разорвалъ съ омерзѣніемъ.

Эти истязанія продолжались всю осень и всю зиму. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ Арсеній Сергѣичъ не имѣлъ ни минуты покоя, терзался безпокойствомъ за Лизу, теряясь въ исходѣ этого дѣла, непрерывно оскорбляемый безсовѣстной и бездушной женщиной, окончательно утратившей всякое нравственное чувство и хѣру.

Послать ей требуемые деньги?.. Онъ понималъ прекрасно, что это значило подлить масла въ огонь, что, разъ добившись желаемого, она пойметъ свою силу и

Въѣздъ Іоанна IV Грознаго въ Новгородъ (8 января 1570 г.). Съ карт. Савича, грав. Флюгель.

У костра. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

ужь тогда отъ нея ничѣмъ не откупилъ... По изнурѣ, желая хоть временно успокоиться, отдохнуть отъ нравственной пытки, онъ, съ отвращеніемъ въ душѣ, послалъ ей требемыя двадцать тысячъ. Онъ заложилъ для этого свое Большовское имѣніе и съ ужасомъ ждалъ новыхъ требованій, новыхъ посягательствъ на благосостояніе его дѣтей, этой „отвратительной женщины“, которая и безъ того, въ ущербъ ихъ состоянію, была такъ щедро имъ обезпечена.

Онъ не зналъ, что собственный капиталъ графини ужь не существовалъ. Тѣмъ мѣлшій каплей оказался новый подарокъ его въ бездонномъ морѣ ея требованій...

Нина Павловна впрочемъ временно на нихъ „обернулась“ и даже заказала себѣ восхитительный костюмъ для предстоящаго скорѣ оригинальнаго увеселенія, въ окрестностяхъ Вѣны: для маскараднаго бала *на льду*, — на одномъ живописномъ озерѣ, среди лѣса. Обезпечивъ себя въ этомъ отношеніи, она все же призадумалась о будущемъ и рѣшила дѣйствовать иначе, не чрезъ мужа, — а чрезъ него...

„Авось Лизавета Петровна на него подѣйствуетъ, — пожелаетъ отъ меня выкупиться, не жалѣя чужихъ денегъ. Что, въ самомъ дѣлѣ! Должна же она быть мнѣ благодарной за то, что я ей свое мѣсто уступила!“ размышляла Нина Павловна и вдругъ осѣнилась блистательной мыслью.

„Продамъ-ка я ей тысячъ за триста, ну... хоть за двѣсти, — чортъ съ ней! — возможность сдѣлаться графиней, — за него выйти замужъ: предложу ему разводъ, съ тѣмъ что я возьму вину на себя... Мнѣ что? Развѣ я не могу сама обвиняться, если придется, не стѣсняясь законами Россійской имперіи? Вотъ глупости!.. Да чуть что, я и вѣру переменяю и къ мормонамъ уѣду!“

И Нина Павловна искренно расхохоталась своей остроумной выдумкѣ.

Плодомъ ея было письмо къ двоюродной сестрѣ лично; письмо, которое она искренно сочла верхомъ добродушія, едва ли не деликатности...

Но Лиза его не получила: графъ, узнавъ почеркъ своей жены, содрогнувшись и, не распечатывая, бросилъ письмо въ каминъ. Онъ сдѣлался еще вдвое внимательнѣе и, забывъ осторожность, слишкомъ совѣтливый чтобы прочитывать чужія письма, сжигалъ ихъ, одно за другимъ, выжидая, что она потеряетъ наконецъ терпѣніе и снова обратится къ нему прямо. Онъ подозрѣвалъ, что въ нихъ дѣло идетъ снова о деньгахъ; но не могъ заподозрить новой выдумки ея.

Но какъ ни оберегалъ онъ спокойствіе любимой имъ дѣвушки, трудно было ему уберечь ее отъ случайностей, — этого обычнаго бича всѣхъ, самыхъ тщательно обдуманныхъ, комбинацій.

Нечего и говорить, что никто понятія не имѣлъ о причинѣ вѣчнаго безпокойства и раздражительнаго состоянія хозяйки дома. Всѣмъ было очевидно, что онъ огорченъ, что онъ вѣчно чего-то боится, чего-то со страхомъ ожидаетъ; что состояніе его до того тяжело, что даже присутствіе, забавы дѣтей его, ихъ ласки не въ состояніи спясть съ него невѣдомаго гнета.

Но некому было спросить его въ чемъ дѣло. Не Сладовольской, несчастной матери, едва осмѣливавшейся смотрѣть въ глаза своему зятю, и тѣмъ болѣе не Лизѣ было на то рѣшиться. Обѣ рады были бы жизнь свою отдать за его спокойствіе, но ни одной и на умъ не впадало подозрѣніе, въ какой онъ живетъ вѣчной мукой.

Послѣ того, роковаго, письма обѣ долго не могли оправиться. Обѣ не знали, что графъ прочелъ его содроганіе, но другъ съ другомъ онѣ не лицѣтрили: много горькихъ слезъ стояла обѣимъ дерзкая, безжалостная выходка метительнаго Армидова. Марья Семе-

новна умоляла племянницу успокоиться; отвѣчать презрѣніемъ на пошлую дерзость, утѣрляя ее, что онъ самъ выдумалъ это „со зла“, что Пипочка „какъ бы ни была она грѣшна противъ мужа и дѣтей“, по се любить, знаетъ какая она добрая и честная дѣвушка, не можетъ не цѣнить любви ея къ дѣтямъ и никогда бы не стала „спрашивать объ этомъ мальчишечку-кутойника, котораго она всегда терпѣть не могла!“

Лиза вполонину вѣрила теткѣ: она имѣла случай узнать лучше Нину Павловну, чѣмъ знала ее родная мать. Она рѣшилась „перепесть“, осилить возмущающуюся гордость... Втайнѣ она рѣшила, что это законная сѣ кара за то чувство, „безправное и непозволительное“, которое все же существовало въ ней!.. Часто она заставляла себя вдумываться въ свое положеніе; рѣшала что теперь ея присутствіе не нужно дѣтямъ, — при нихъ бабушка, имъ необходима хорошая гувернантка, иностранка, о которой ужь не разъ поговаривали они съ Арсеніемъ Сергѣичемъ. На что же ей при нихъ оставаться?.. Совѣтъ не надо!.. Ей необходимо позаботиться о другомъ мѣстѣ, оставить ихъ... Тогда и эти ужасныя ключевыя сами собою замолкнутъ...

Да! Она переговоритъ съ графомъ. Не къ чему малодушничать: ей тяжело будетъ оставить Павла и Нину, но что же дѣлать?.. Для ихъ блага она разумѣется пренебрегла бы всѣмъ, по себѣ полагать позачѣмъ. Рѣшено! Она воспользуется первымъ случаемъ.

Случай не замедлилъ представиться: соседній, очень богатый, помѣщикъ искалъ пастыниці къ мѣлшнимъ дѣтямъ и спрашивалъ ее не знаетъ ли она какойнибудь подруги?.. „Такой же разумницы, доброй, терпѣливой и знающей, какъ вы сами, Лизавета Петровна!“ объяснилъ онъ ей, развѣ пріѣхавъ навѣстить ихъ на рождественскіе праздники. Она тогда же хотѣла было предложить ему свои услуги, но вдругъ сердце ея защемило при мысли о разлукѣ и она смолчала, сказавъ только, что напишетъ, постарается узнать...

„Ужъ доживу съ ними до весны! съ тоской подумала она. Весной пріѣдетъ *гувернантка*. Я скажу графу... А такъ бросать пельзи же ихъ!“

И успокоивъ свою совѣсть, Лиза стала выжидать случая, предупредить Арсенія Сергѣича о желаніи своемъ „оставить его домъ и о необходимости выписать, подроставшимъ дѣтямъ, гувернантку болѣе компетентную“, чѣмъ она... Такую фразу она давно составила въ своемъ умѣ, но все какъ то случая не находила ему ее высказать.

Прошли зимніе праздники и новый годъ тихонько подкрался. Въ Натанинѣ онъ въ особенности подошелъ и прошелъ тихо, никѣмъ не замѣченный. Его никто не поджидалъ, съ бокалами въ рукахъ прислушиваясь къ бою роковыхъ двѣнадцати часовъ; никто не ждалъ отъ него себѣ и громко не желалъ другимъ, никакихъ особыхъ благъ, — ни *новаго* счастья, ни *новаго* веселья. Наканунѣ перваго января никто о немъ и не помянулъ бы, еслибъ не праздники въ людской, гдѣ его весело справляли. Въ домѣ же о немъ было забыли. Въ обычное время выпили вечерній чай и въ обычный же часъ разошлись. Если же не всѣмъ жителямъ Натанинскаго барскаго дома особенно хорошо спалось въ ту ночь, то это не случилось вслѣдствіе какихъ либо особыхъ грѣзъ или видѣній, а просто заурядъ, потому что тяжелыхъ кошмаровъ здѣсь и по всякъ день было довольно...

Ни графу Корзаку, ни Лизѣ Добричевой ни разу даже „не икнулось“, — по народному повѣрью, изъ-за того, что ихъ усердно поминали въ эту ночь за тридцать земель...

Въ одномъ изъ лучшихъ отелей Вѣны собралось общество русскихъ встрѣчать свой новый годъ. Ужинъ былъ заказанъ, разумѣется, съ шампанскимъ, и веселая компанія созвана проѣзжимъ *богачомъ*, котораго кель-

перы славилъ милліонеромъ, судя по щедро разбрасываемымъ имъ крейцерамъ. Это былъ Роничъ, тотъ самый Роничъ, что въ началѣ нашего разсказа одушевилъ провинціальное общество на именинахъ Марьи Семеновны, перваго Аирѣя. Нынѣ онъ возмужалъ и смотрѣлъ саповникомъ, благодаря милліонамъ своей жены. Приѣхавъ въ Вѣну, Роничъ встрѣтилъ свою старую знакомую, Нину Павловну, которая на сей разъ имъ не побрезгала и широко пользовалась его добродушнымъ хлѣбосольствомъ. Какъ ни измѣнилось общественное положеніе Нины, для Ронича она все же была графиня, и къ тому же „извѣстная красавица“, которую лорнировали, за которой ухаживали „все эти князья, тамъ, герцоги и лорды!“ И онъ, и его дебелая супруга обществомъ ея гордились; а она ихъ покровительствовала, милостиво катаясь съ ними въ ихъ экипажахъ, знакомя ихъ съ театрами,—въ ихъ ложахъ, и вообще съ диковинками и удовольствіями Вѣны, кстати и сама пользуясь ими на ихъ счетъ.

Вотъ такъ-то и случилось, что Лизу и графа Корзакъ, смирно и безобидно сжавшихъ въ малороссійской глуши, въ эту почу усиленно и далеко не безобидно „помипали“ на берегахъ Дуная. Говорили о нихъ большіе дамы, Роничъ только посмѣивался и добродушно поддакивалъ, отнюдь не желая злобствовать, а просто относился равнодушно, не споря ради того, чтобы не портить себѣ пиццеваренія.

Это было шумное и хлопотливое время для графини Корзакъ. Самый разгаръ зимняго сезона! Положимъ, она теперь ужъ не мечтала объ удовольствіяхъ придворныхъ; но вѣдь увеселеній, очень веселыхъ и очень дорогихъ, многоство въ столицѣ Австріи и не причастныхъ частичекъ „Нот“. Хорошо, что она нашла на добродушныхъ соотечественниковъ и жизнь и развѣды ей теперь почти ничего не стоили. Запасъ туалетовъ еще не изсякъ... Были и знакомства!.. Она была все еще съ модой... Вотъ тутъ то и предстоялъ тотъ „шикозный“ праздникъ, какъ пазывалъ его Роничъ, о которомъ Нина Павловна такъ заботилась, что заранѣе заготовила себѣ для него костюмъ: балъ-маскарадъ на каткѣ озера. Она для него всю зиму усердно брала уроки катанья на конькахъ и заранѣе рассчитывала на многое послѣ этого праздника.

Еще бы! Вѣдь увидавъ ее въ костюмѣ гитаны, въ которомъ она готовилась *скользить*, не одинъ Роничъ воскликнулъ или былъ, какъ онъ, готовъ воскликнуть: „Ахъ! Чортъ нобирай!.. Ну и красавица же вы, Нина Павловна!.. Огдай все—да и мало!“

XVIII.

На Крещеніе былъ прекрасный, морозный и солнечный день. Съ утра Павлуша не давалъ домашнимъ покою, просясь покаться въ санкахъ. Отецъ давно обѣщалъ его покаты въ хорошую погоду и мальчикъ требовалъ исполненія данного обѣщанія. Приказали заложить розвальни и всѣ поѣхали, большіе и малые, кромѣ отказавшейся отъ прогулки, подлѣ предлогомъ головной боли, Лизаветы Петровны. Она, болѣе чѣмъ когда нибудь, избѣгала общества графа и къ тому же ей хотѣлось остаться совсѣмъ одной въ домѣ, походить на свободѣ по большимъ комнатамъ, побродить по галлерей портретовъ, гдѣ ей давно не приходилось быть, чувствовать себя одной, на просторѣ, свободной. Это было такой для нея рѣдкостью! Вѣдь ей всегда почти приходилось сдерживаться, неустанно наблюдать за собой. Зимой жизнь всегда сплочивается. Лѣтомъ можно было чаще прибѣгать къ прогулкамъ, унести свои недоумѣнія и горести въ зеленныя затишья, подальше отъ пытливыхъ глазъ. Въ замкнутомъ домѣ жилось труднѣе... Ужъ одинъ Павлуша со своими допросами чего ей стоило!

Она и теперь довольно часто уходила въ паркъ и даже дорожку по снѣгу проторила къ Маріаниному

пруду; но зима была тѣмъ неудобна, что не во всякое время можно было такъ легко уединяться. Приходилось запирается у себя, привлекать участіе и вниманіе, а Лиза такъ не терпѣла всего, что сколько нибудь смахивало на рисовку! Она предпочитала безъ усталки паблюдать за собой, прича въ себя все чувства свои, при приближеніи людей,—какъ втягиваетъ въ себя пѣжно раскрашенные лепестки сенситива, чуя опасное прикосновеніе... А такая операція подлѣ-часть обходилась не легко!..

Оставшись одна, Лиза вздохнула свободно. Она обшла все пріемныя покои стариннаго дома; потомъ присѣла было къ роялю,—она рѣдко играла теперь, не желая привлекать вниманія графа,—но и въ этотъ разъ, несмотря на одипочество, она не долго проиграла: звуки старыхъ, милыхъ по воспоминаніямъ мотивовъ болѣе отдалались въ сердцѣ ея, раздражали ея горе. Новаго разбирать не хотѣлось... Она оставила рояль и прошла въ портретную. Эта длинная комната въ два свѣта, примыкала къ кабинету графа, а потому Лиза, безъ нужды, никогда въ нее не входила, а ей давно хотѣлось осмотрѣть на досугѣ портреты, въ особенности портреты Маріанны. Она висѣлъ въ глубинѣ галлерей, призывавшей къ оранжевымъ, плохо содержавшейся, въ много лѣтъ покинутому помѣсти; по все же по обѣимъ сторонамъ сгруппированныхъ портретовъ бабушки, тетки и отца пастолицнаго владѣльца, возвышались кущи темной зелени, скрывавшей стеклянныя двери въ тенлину.

Это была низкая и довольно сумрачная, въ этотъ сѣренпый день, комната; тѣмъ болѣе, что по главному фасаду оконъ разросся плющъ. Пробѣгая подлѣ карпизомъ и сползая фестонами между портретовъ, онъ еще прибавлялъ къ траурному характеру галлерей, съ ея сумрачными лицами давно отшедшихъ предковъ, глядѣвшихъ со стѣнъ... Не все они, однако, были сумрачны и неподвижны. Нѣкоторые изъ нихъ были такъ искусно написаны, что, казалось, слѣдили взглядомъ за проходившими; а другія, къ тому же, особенно жепскія лица, привѣтливо улыбались на смотрявшихъ. Въ особенности милонидны были оживленные лица Маріанны, восемнадцатилѣтней красавицы, и матери ея, писанный съ нея въ тѣ же годы. Онѣ были мало сходны. Бабушка Арсенія Сергѣича была миниатюрнѣй, съ большими, почти синими, какъ и у внука ея, глазами и темно-русыми волосами; тогда какъ дочь ея, стройная, темноволосая, съ глубокими черными глазами и задумчиво-строгимъ выраженіемъ правильнаго лица, поражала, даже на портретѣ, какой-то неопредѣленной загадочностью, какимъ-то затаеннымъ, пытливымъ вопросомъ въ улыбкѣ и взорѣ...

Портреты ея матери, всѣ, спятые и въ молодости и въ старости, привлекали лаской, доброй улыбкой и привѣтливостью взгляда; портретъ же Маріанны сосредоточенно смотрѣлъ въ одно и то же время и вамъ въ глаза, и куда-то выше и дальше, на что-то будто намъ невидимое...

Лиза долго стояла, сравнивая и думая объ этой разницѣ: откуда она?.. Свойство ли это кисти художника сказало въ недомолвленной странности взора бѣдной красавицы, лишившейся чрезъ нѣсколько лѣтъ разсудка, или дѣйствительное выраженіе ея глазъ?.. Она такъ долго стояла передъ нею, что самой ей стало жутко. Она закрыла глаза, чтобы дать отдохнуть зрѣнію; но и предъ закрытыми ея глазами плавали, во мракѣ, свѣтлый образъ Маріанны, и загадочный взоръ ея, выдѣляясь особенно ярко изъ мглы, смотрѣлъ въ ея лицо, задавая свой пѣмой вопросъ... Не подымая на нее больше глазъ, Лиза повернулась и стала тихо ходить вдоль галлерей.

Сказать поистинѣ, ей захотѣлось уйти отсюда, но ребяческое чувство удерживало ее: ей было стыдно со-

знаться самой себѣ, что ей, въ виду этихъ, отовсюду на нее смотрящихъ лицъ умершихъ, и среди бѣла дня стало неловко. Она нарочно оставалась и ходила изъ конца въ конецъ портретной, негодую противъ себя и своихъ „распущенныхъ“ первовъ. Тревоги, среди которыхъ такъ давно жила бѣдная дѣвушка, вѣчная необходимость борьбы, нравственнаго насилия, лицемерія, вѣчная боязнь необходимой разлуки и вѣчный страхъ себѣ измѣнить, не могли не распатать нервной системы каждаго, гораздо болѣе грубаго организма; но она не хотѣла признать законности этого проявленія и серьезно негодовала на себя. Негодовала, по вѣ то же время старалась не смотрѣть на смущавшій ее портретъ... Но чѣмъ болѣе она старалась о томъ, тѣмъ неотразимѣе дѣйствовало на нее воспоминаніе объ этомъ многозначительномъ, таинственномъ взглядѣ помѣшанной отъ любви утопленницы, безмолвно, со дна могилы, изъ вѣчности на нее устремленномъ!.. И каждый разъ, приближаясь къ нему, она не выдерживала искуса,—еще издали подымала рѣсницы и смотрѣла прямо въ эти черные, глубокіе глаза, словно притягивавшіе, манившіе ее къ себѣ.

Она, наконецъ, опять остановилась, съ досадой сознавая, что сердце ея бьется сильнѣй и какъ то болѣзненно замираетъ. Она стала прямо противъ портрета и устремила на него сама требовательный взглядъ, будто вызывая его на отвѣтъ:

„Что ты смотришь?.. Чего тебѣ нужно?.. Что ты хочешь сказать мнѣ?..“

Зимнее солнце, спускавшееся за сизо-алыя облака, вдругъ прорвалось сквозь нихъ. Алый лучъ скользнулъ по лицу Маріанны, ожививъ его поразительно... Заглянули черные глаза и Лизѣ представилось, что губы красавицы шевельнулись...

Въ ужасѣ, она отступила, но не могла отвести отъ нея очарованнаго взгляда... Нѣтъ! Это только движенье сѣла. Въсѣтъ съ яркимъ лучемъ померкло и лицо Маріанны, а Лиза все стояла и смотрѣла, думая про себя: „Ужъ не пророчитъ ли она мнѣ бѣды?.. Не схожу ли и я съ ума?.. Нѣтъ, бѣдная Маріанна! Никакая любовь и никакое солнце не оживятъ тебя для земли!..“

За синной ея раздался шорохъ и Лиза отпрянула, обернувшись назадъ и вся дрожа отъ испуга... Это было совсѣмъ не страшное явленіе. Только приказчикъ, вернувшійся изъ города. Лиза зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ, устыдившись своего движенія, и пошла къ нему.

Управляющій, старый хохолъ въ праздничной свиткѣ и смазныхъ сапогахъ, отиѣсилъ поклонъ, освѣдомился,—„чи папа графа пѣту у домѣ?“ Заявилъ, что ни сдинаго хлопца нима въ передней, а онъ привезъ кое что съ почты и не знаетъ кому отдать. У него въ рукахъ было нѣсколько пакетовъ съ книгами и газетами.

— Положите здѣсь, сказала Лиза, указывая въ сторону кабинета, гдѣ стояли бильярдъ и шахматный столъ у окна, съ скамьями и стульями для игроковъ. Игроковъ этихъ, къ слову сказать, теперь никогда не бывало, но графъ не любилъ разрушать старины и многое въ домѣ оставилъ попрежнему.

Управляющій положилъ, прося „доложить пану графу“ какъ придется онъ, и вышелъ.

Все снова затихло вокругъ Лизы. Она подошла и стала разбирать журналы.

„За свою глухость, пусть хоть стемнѣетъ, а я отсюда не уйду, пока они не вернутся“.

И она, присѣвъ къ столу у окошка, начала просматривать содержаніе журналовъ, а понавъ на продолженіе какой-то статьи, заинтересовавшей ее еще въ предъидущихъ номерахъ, зачиталась до сумерекъ и подыала голову отъ книги только заслышавъ бубенчики подъѣзжавшихъ саней.

Тогда она встала, чтобъ идти навстрѣчу дѣтей. Въ эту секунду что-то скользнуло изъ кресла лежавшихъ

у нея на кофляхъ газетъ и упало на полъ. Лиза наклонилась, чтобъ поднять, и при свѣтѣ потухающей зари прочла на небольшомъ квадратѣ свое имя...

Это было открытое письмо.

У нея заранѣе забилося предчувствіемъ сердце!

Подойди ближе къ свѣту, она разобрала его съ большимъ трудомъ, потому что зрѣніе ея помутилось, какъ только она признала почеркъ Нины, а руки тряслись и сама она дрожала какъ въ лихорадкѣ, но мѣръ того какъ ей уяснился смыслъ этого, для всѣхъ открытаго письма:

„На всѣ мои молебны ты не отвѣчаешь. Теперь буду писать открыто: авось вы, съ графомъ, людей постыдитесь! Ты безжалостна ко мнѣ, потому что не можешь обвиняться съ мужемъ моимъ, пока я жива: но не воображай! Ужъ если графъ Корзакъ меня, жепу свою, выпаль изъ дому, влюбившись въ тебя, то скоро измѣнитъ и тебѣ, для какой нибудь женщины похрасивѣй. Тогда ты раскиснешь въ своей жадности! Въ томъ, что все отпавъ у меня,—дѣтей моихъ, любовь мужа, мое мѣсто въ его домѣ, у семейнаго очага,—ты не хочешь даже подѣляться со мною необходимымъ... Стыдитесь и будьте оба прокляты!“

Графиня Нина Корзакъ.“

Такъ заканчивалось это ужасное письмо,—не выдержанное до конца изолгавшейся, злобой женщиной. Какъ ни силилась она выдержать его въ духѣ обиженнаго достоинства, въ концѣ прорвалось ея озлобленіе, въ проклятіи ея же оскорбленнаго.

Но Лиза была не въ состояніи оцѣнить по достоинству поступокъ Нины Павловны: не низость и дерзость его ее поразили, а ея обвиненія и проклятіе. Они пали на нее гнетомъ, который ея ослабѣвшія силы не могли спести.

Она стояла, приковапная къ мѣсту, какъ къ смерти приговоренная, и только чувствовала смертельный холодъ леденившій мозгъ ея до корней волосъ, а въ сердцѣ тупую, тоскливую боль, когда дверь изъ кабинета отворилась и вошелъ Арсеній Сергѣичъ.

Увидавъ ее въ какомъ то оцѣпенѣніи, блѣдную словно статуя, а вокругъ нея разбросанныя газетъ и книги еще въ почтовыхъ бандероляхъ, онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло и въ ужасѣ подошелъ къ ней.

— Лиза!.. Лизавета Петровна! Что съ вами?.. Что случилось?

Узнавъ его голосъ, она хотѣла бѣжать, но ноги не слушались ее; она шатаясь схватилась за спинку кресла и сѣла, ничего еще не соображая... Тогда графъ выпулъ изъ холодной руки ея почтовую карточку и, пригнувшись къ окну, скорѣе духомъ, чѣмъ глазами осилилъ смыслъ ея...

Онъ упалъ къ ногамъ Лизы и могъ только повторять:

— Простите меня!.. Простите!.. Это я,—я одинъ виновекъ на васъ свое несчастіе! Свое позоры!..

Его слезы, падавшія на руки ея, скорѣе чѣмъ слова привели Лизу въ сознаніе. Она собрала всѣ силы свои и встала, сказавъ:

— Позвольте мнѣ уйти, Арсеній Сергѣичъ. Помогите мнѣ оставить васъ... Я должна уйти!.. Уѣхать...

— Да, Лиза! Знаю!.. Вы уѣдете... Но молчать долѣе я не могу. Простите меня!.. Дайте мнѣ выразить вамъ, какъ я глубоко несчастенъ и вмѣстѣ, какъ я счастливъ... тѣмъ, что люблю васъ!

Онъ не выпускалъ рукъ ея и не переставалъ покрывать ихъ поцѣлуями и слезами. У нея подкашивались ноги; она снова опустилась на стулъ и сидѣла неподвижно, какъ окаменѣлая... Но только по мѣръ того какъ ей уяснился смыслъ его рѣчей, сердце ея словно отогрѣвалось, жизнь возвращалась къ ней, а съ нею и способность сознательнѣе чувствовать, глубже страдать.

Неудержимо лились рѣчи графа, псевзвизны, страстныя. Онъ говорилъ ей о любви своей, о злой пасмѣш-

Молодая дѣвушка. Съ карт. Е. Блааса, грав. Пейпъ.

къ судьбы, которая позволила ему пройти „тогда,—перваго апрѣля“—мимо пѣя, къ Нипѣ! Къ Нипѣ,—бездушнѣй, грубой эгоисткѣ, которая не могла ни понять его чувствъ, ни отвѣчать его любви, не зная, что такое любовь!.. Попявъ ея правдивенное ничтожество, онъ разлюбилъ эту жепщину; а узнавъ Лизу—полубилъ ее горячо, страстно, па жизнь и смерть!.. Но любовь эта—одно мученіе!..

— Въ ней, говорилъ онъ, моя кара за мелочность, за первую, роковую ошибку!.. Я связалъ съ этой несчастной павѣлки!.. Она отняла у меня возможность счастья!.. Изъ-за пѣя я не могу, не смѣю даже высказать вамъ, какъ я люблю васъ, что вы для меня!.. Вы хотите уѣхать, оставить меня?.. Я не смѣю удерживать васъ. Я долженъ сказать вамъ, что вы правы! Всегда правы, и чисты, и святы во всемъ!.. Хотя вамъ отвѣздъ, Лиза, долженъ быть и будетъ мнѣ смертнымъ приговоромъ и... погибелью дѣтей моихъ!.. Вотъ, что падѣла моя слѣнота, моя ошибка, мое собственное ничтожество,—мое ослѣпленіе въ роковой день перваго апрѣля. О! Я никогда не забуду этого числа!.. Въсто брачнаго алтара, я самъ привелъ себя къ позорному эшафоту...

Онъ всталъ, какъ одурманенный, едва держась на ногахъ, выпустилъ ея руку и снова прошепталъ:

— Простите меня!.. Я и теперь сознаю, что поступаю нечестно... Но вы, я знаю, не возненавидите меня, а поймете и... простите!

Непонятная сила подняла Лизу и заставила ее твердо выговорить побѣлѣвшими губами:

— Мнѣ нечего прощать васъ, Арсеній Сергѣичъ, я и сама такая же грѣшная, такая же несчастная, какъ вы: я сама люблю васъ! И люблю давно,—гораздо раньше, чѣмъ вы меня замѣтили!.. Нипа права! Передъ нею я грѣшна,—если только любовь, невольная, честная любовь есть прегрѣшеніе?.. Я не лицемерю, зачѣмъ? Вѣдь ужъ теперь не поможете!.. А вамъ, можетъ быть, будетъ легче знать, что вы не одни несчастны!.. Теперь я уйду!.. Мнѣ нездоровится!.. По завтра же мы поговоримъ!.. Чѣмъ скорѣе я уйду,—тѣмъ лучше... для насъ обоихъ.

Мгновенная радость, охватившая было графа при ея невольномъ признаніи, тотчасъ же смѣнилась испугомъ. Онъ видѣлъ, что она едва стоитъ, едва шевелить пересохшими губами, и машинально спросилъ:

— Вы уйдете?.. Но куда же?

— Сама не знаю—по уѣду!.. И въ этомъ, какъ и во всемъ, надѣюсь, вы мнѣ поможете?.. Я здорова... Что вы такъ смотрите?.. Это такъ, пройдетъ!..

Она поняла испугъ въ глазахъ его, на нее устремленныхъ, и нашла въ себѣ довольно силъ, чтобъ ему улыбнуться, на прощаніе...

Но, страшное дѣло! Первые ея точпо ждали, чтобъ дверь заперлась между ею и графомъ, чтобъ сразу ей измѣнить. Какъ только заперлась эта дверь, его глаза вдругъ исчезли и замѣнились въ сумракѣ еще неосвѣщенныхъ комнатъ другими глазами,—глазами безумной Маріанны. И эти темные, пытливые глаза плавали передъ нею въ пространствѣ и словно заглядывали ей въ самую душу, манили ее куда-то вдаль, за собою... У нея пачинался жаръ; ей бы слѣдовало лечь въ постель, а ее тянуло на воздухъ. Ей вдругъ захотѣлось ужасно вдохнуть въ себя холодную струю морознаго воздуха.

Она была увѣрена, что сказала сущую правду,—что она „здорова“ физически. Въ головѣ былъ правда стукъ и шумъ, и она не могла опредѣлить: счастлива она или несчастлива совершившимся?.. Ей надо было обдумать... Куда пибудь уйти, запрягаться, чтобъ хорошенько „обдумать“... Вѣдь онъ ей сказалъ, что любить ее... Отчего же она несчастлива?..

Она пачинала терять ясное представленіе, но жаръ, начинавшій тѣснить ее, придавалъ ей временно ложныя силы.

Проходя мимо буфета, она увидала воду и съ жад-

ностью выпила два стакана. Тутъ же, къ счастью ея, лежали платки и пледы, изъ которыхъ только-что раскутали дѣтей, и забыли прибрать. Это было счастливо, потому что сама она не вздумала бы этимъ остановиться; но когда она увидала теплое платье, въ ней пробудилось еще сознание о зимѣ и холодѣ. Она взяла одинъ изъ пледовъ, завернулась въ него и, пикѣмъ не замѣчая, проскользнула въ сѣни и, боковымъ ходомъ, въ садъ.

Погода была теплая, южная зима суровыми морозами не богата; но все же ее охватило сырмъ, промерзлымъ воздухомъ, который она вдыхала съ наслажденіемъ. Онъ утѣлялъ ея внутренній жаръ. Она пошла довольно бодро, сначала по расчищеннымъ дорожкамъ, потомъ углубилась въ паркъ и скоро очутилась, сама не замѣтивъ какимъ образомъ, на узкой тропѣ, спускавшейся въ оврагъ. Мѣсяцъ, окруженный сіяющимъ кольцомъ, обливалъ все яркимъ свѣтомъ, проникалъ въ безлистную, заиндѣвѣвшую чащу вѣтвей, зажигалъ на нихъ алмазы, игралъ въ молочномъ туманѣ, охватывавшемъ даль, разстилалъ брилліантовые покровы надъ гладью замерзшаго озера. У своего завѣтнаго дуба она, по привычкѣ, остановилась и оглядѣлась...

„А!.. Это ея прудъ! мелькнуло въ ней сознание. За чѣмъ я пришла сюда?.. Да! Мнѣ надо быть одной!.. Мнѣ надо думать... Это она меня привела сюда, ея глаза... Вѣрно сама она здѣсь... Но гдѣ?.. Вѣдь она хотѣла... Она должна сказать мнѣ что-то!“

Вредъ пачиналъ осиливать и память, и сознание. Яркое видѣніе портрета воплощалось въ ея воображеніи: она искала Маріанну въ хаосѣ свѣта и прозрачныхъ тѣней, она звала ее и видѣла въ блестящемъ туманѣ, витавшемъ надъ прудомъ.

Въ изнеможеніи опустила Лиза на камень, подъ дубомъ. Зубы ея стучали, она дрожала, но ей было тепло. Она чувствовала, какъ кровь горячо струится по ея тѣлу... Она силилась о чемъ-то думать, по ужъ не могла связать двухъ мыслей!.. Она только прислушивалась къ какому-то сладкому пѣнію; къ тихому, ласковому шопоту, все ближе звучащему надъ нею, словно въковой дубъ звенѣлъ каждой вѣткой, каждой серебряной блеской своего убора и убаюкивалъ ее...

Она поняла, что возлѣ нея Маріанна! Что ей тепло потому, что она окутываетъ ее своими бѣлыми, пушистыми покрывалами! Что ей легко и сладко дремлетъ, въ небывалой истомѣ,—потому что она ей ланѣваетъ неслыханныя пѣсни о счастьи, о любви...

„Спи, милая дѣвушка! Здѣсь тебѣ лучше будетъ, чѣмъ съ людьми. Я это знаю!.. И я, когда-то, здѣсь заснула... Заснула—на мгновеніе, чтобы проснуться къ вѣчному счастью!.. Чтобъ улетѣть въ сіяющую высь, къ вѣчному источнику свѣта и благъ!.. Отдохни отъ бурь житейскихъ, отъ искушеній!.. Засни!.. Во спѣ—успокоеніе, а въ смерти—жизнь!“

И Лиза послушалась видѣнія: она отклонилась къ стволу стараго дуба; голова ея упала на плечо... Она заснула.

А кругомъ стояла блестящая, очарованная тишь. Все сіяло, искрилось, переливалось въ лучахъ полнаго мѣсяца...

И тотъ же мѣсяцъ, этотъ блестящій, вездѣсущій чародѣй, обливалъ своимъ волшебнымъ свѣтомъ полмира, въ эту зимнюю ночь. За тысячи верстъ кругомъ онъ безстрастно смотрѣлъ на разукрашенную имъ землю,—на радости ея и горе, на роскошь и нищету, на красоту и безобразіе... Съ отъ вѣка застывшей на лицѣ его страдальческой улыбкой, заглянулъ онъ въ лицо одинокой, обреченной на погибель дѣвушки, подъ дубомъ, на берегу пустынного озера въ лѣсу; а пѣсколько часовъ спустя, сіяя надъ другимъ озеромъ, за тысячи верстъ оттуда, переливался въ блестящихъ уборахъ множества красавицъ, отражался въ черныхъ глазахъ, освѣщалъ торжествующую улыбку бездушной женщины-клеветницы, которая привела ее на край бездны.

Для Нины Павловны это была давножданная ночь безумного веселья, торжества ея красоты,—почти маскарадного праздника на коньках. Обширная ска-терть льда, съ вереницами фантастических созданий, во всевозможных костюмахъ, то парами, то безконечными цѣпями вертѣвшихся и скользящихъ по ней, тонула въ лучахъ разноцвѣтнаго электричества, во вышкахъ бѣгальныхъ огней, въ илменн газы и гигантскихъ костровъ, охватившихъ все озеро, по опушкѣ темнаго бора. Въ средѣ снѣга, весь въ гирляндахъ изъ пестрыхъ фонарей, навильонъ для императорской семьи, для избраннаго общества, не рискува-шаго простудой на ледяномъ паркетѣ и столкнове-ніи съ простыми смертными. Тамъ игралъ оркестръ Штрауса; лились звуки, очаровательные не для однихъ Вѣнокъ, а для всѣхъ любителей его чарующихъ вальсовъ. Толпа зрителей окружала навильонъ и тол-пы же, только не гостей, а зѣвакъ, окружали все озе-ро; а вокругъ него медленно двигались вереницы эки-пажей, тоже наполненныхъ зрителями, не желавшими рисковать схватить горячку или тифъ, въ этомъ безум-номъ удовольствіи.

Оно воистину было безумно! Болѣе ста человекъ, въ особенности женщинъ, тапковавшихъ въ морозномъ воздухѣ на льду въ эту памятную ночь, чрезъ шесть недѣль, а многіе и гораздо скорѣе, поконились на кладбищахъ въ окрестностяхъ Вѣны, если еще не томились въ ожиданіи медленнаго конца отъ захваченной чахотки.

Зато, хотя для многихъ это былъ ниръ наканунѣ смерти, безумное веселье царило на этомъ оригиналь-номъ балѣ. Нина Корзакъ ушла съ нѣмъ и гордымъ созна-ніемъ своей красоты, какъ прежде никогда ей не случалось. Ее окружали мужчины, повидимому готовые сложить у ногъ ея всѣ свои дослѣхи! Ею любовались, ей выражали открыто свой восторгъ мужья и братья женщинъ, которые отъ нея отворачивались со злобой и завистью, худо прикрытой презрѣніемъ. Не зная ея, добивались знакомства, спрашивали, чуть не громко, кто эта чудная женщина въ костюмѣ гитаны, съ коралловыми губами и движущимися сирены, поджидая-щей жертвы?.. Она торжествовала и послѣдняя оста-вила ледяной турниръ, когда мѣсяцъ ужъ достигалъ верхушекъ сосенъ на западѣ, а на востокѣ заалѣлъ ба-грянецъ, предъ которымъ скоро должны были потух-нуть электрическія солнца.

Ее проводила до кареты толпа поклонниковъ, гдѣ, обезсиленная усталостью, съ разгорѣвшимися щеками и мокрыми волосами, разившимися по плечамъ, Нина потерянно бросила пугу и высунулась въ окно... Ей было жарко! Не смотря на то, что, ужимая, она ѣла мороженое и стаканъ за стаканомъ пила ледяные на-питки, ей казалось, что внутри ея кровь горѣла огнемъ... Ее мучила неутолимая жажда и что-то жгло подъ серд-цемъ, какъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Ее жгла смерть! Смерть—захваченная ею на морозѣ, среди упоительнаго веселья, среди смѣха и танцевъ, разгорячившихъ ея кровь.

Черезъ десять дней Вѣнская полиція опечатавала вещи

умершей отъ воспаленія легкихъ графини Корзакъ, а соотечественникъ ея,—Роничъ, похоронилъ ее на свой счетъ и написалъ знакомымъ, въ Большовѣ, чтобы из-вѣстили мужа и мать.

Не долго пролежала Лиза въ своемъ очарованномъ сплѣ; не прошло и десяти минутъ, какъ графъ попросилъ Марью Семесовну павѣдаться къ больной племянницѣ, а она, не находя ея нигдѣ, весь домъ подняла на ноги.

Арсеній Сергѣичъ, слышавшій, что Лиза любитъ ухо-дить на прудъ, первый нашелъ ее и припѣсь въ домъ безъ всякаго сознанія.

По самой Лизѣ сонъ ея въослѣдствіи припоминался продолжительной, счастливой грѣзой, потому что длился болѣе трехъ недѣль. У ней была тифозная горячка, перешедшая въ воспаленіе мозга.

Въ короткіе перерывы бреда, она не могла отличить отъ него дѣйствительности: сонъ продолжался на яву! За нею днемъ и ночью ухаживалъ любимый ею чело-вѣкъ... Ласковый голосъ красавицы-Маріанны, призы-вавшій на нее успокоеніе, смѣнился его умоляющимъ голосомъ, призывавшимъ ее къ жизни. А когда созна-ніе, мучительное сознаніе дѣйствительности мелькало въ ея памяти, Лиза страстно призывала къ себѣ снова спасительный сонъ и, среди паливаго ея жара, педъ знойнымъ полуденнымъ небомъ, казалось ей, смѣнив-шимъ ея свѣтлую, морозную ночь, она съ тихой отра-дой вслушивалась въ голосъ его, въ его мольбы:

„Оживи, моя радость! Оживи для любви моей!.. Для моей жизни, для нашего счастья!..“

И когда, наконецъ, она околпательно, несомнѣнно проснулась, счастливый сонъ все же не разсѣялся,—ему суждено было отплыть продолжаться во всю жизнь графа Корзакъ и Лизы...

Пришла весна, зазеленѣли рошчи; въ саду расцвѣла благоуханная сирень и наступилъ вновь день перваго апрѣля. Но впервые, послѣ шести печальныхъ лѣтъ, графъ Арсеній Сергѣичъ его не замѣтилъ. Некогда было ему разбирать счастливыя и несчастныя числа; *обманчивы* дней для него болѣе не существовало!.. Лиза видимо здоровѣла и расцвѣтала, вмѣстѣ съ цвѣтами въ саду, въ свѣтлому празднику вновь наступавшаго лѣта, къ новой жизни, къ повѣдомому ей счастью, которое и не снилось ей допытѣ.

Въ испое сентябрьское утро они повѣнчались въ сво-ей церкви и тотчасъ уѣхали, но не одни: они не за-хотѣли оставить своихъ дѣтей, безъ которыхъ для обо-ихъ полное счастье было невозможно. Они ѣхали сами не зная куда: въ Италію, на островъ Мадейру, въ Си-цилію или даже въ Каиръ,—лишь-бы провести, соглас-по совѣту докторовъ, зимнее время на югѣ, ради здо-ровья Лизы... Но счастье—лучшій докторъ. Они пробѣжа-лись по Европѣ, зиму прожили на югѣ Франціи, въ пе-людныхъ, хорошенкихъ деревушкахъ на берегу Средне-земнаго моря; а къ раппей веснѣ соскучились по Рос-сіи и возвратились падолго въ свое, обоимъ милое Паташино, паходя, что въ мірѣ нѣтъ климата здоровѣе и пріятнѣй, чѣмъ въ ихъ родовомъ помѣстьи.

К О Н Е Ц Ъ .

Стихотвореніе Я. Л. Полонскаго.

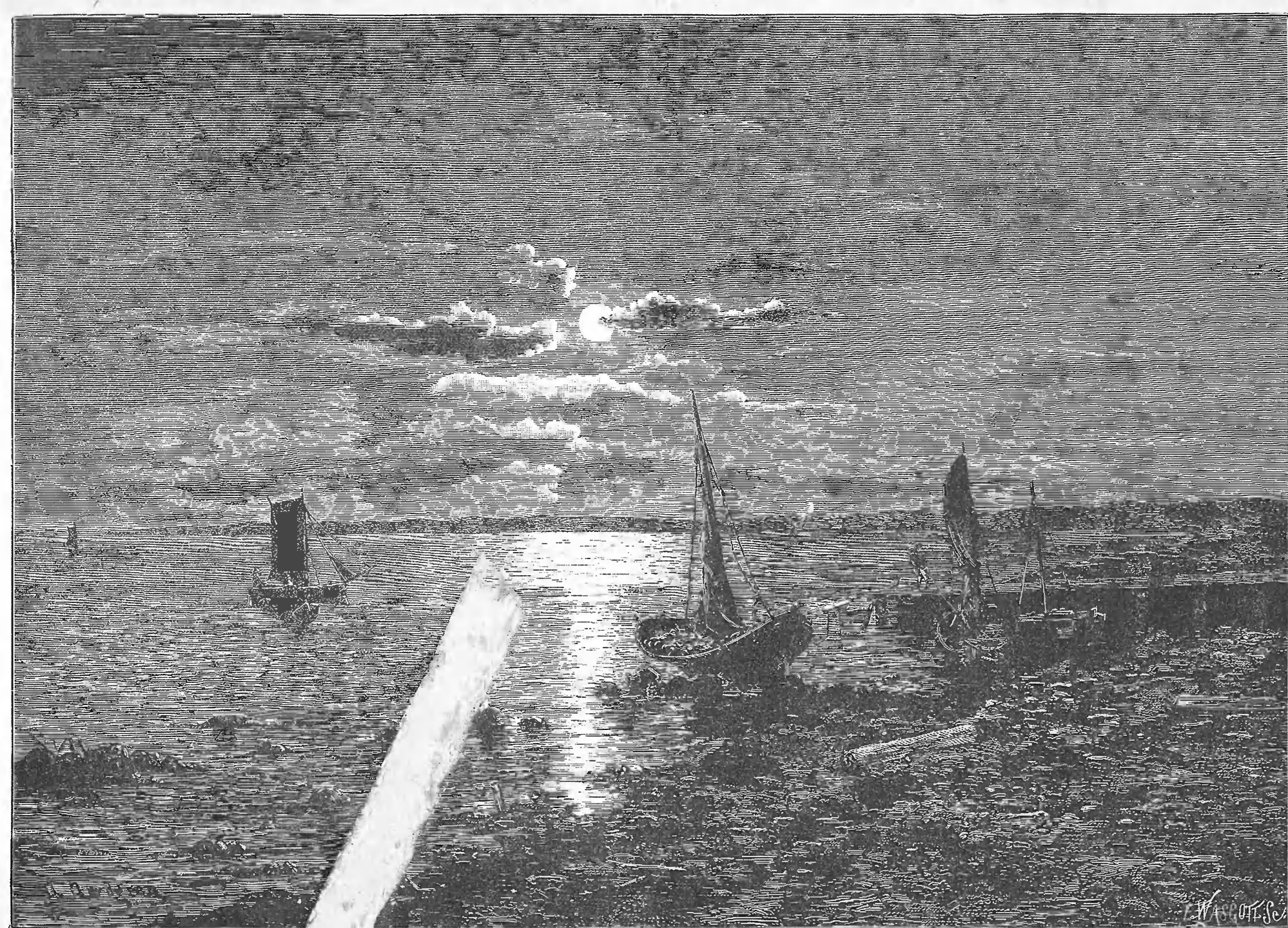
Въ альбомѣ Андо.
(Секретаря японскаго посольства въ СПб.).

Европа старая, что потрясла Китай,
Сама пугливо ждетъ внезапныхъ потрясеній.—
И ты—Японія, ты ей не подражай!
Учись у пей,—уча. Твой самобытный гений
Пусть будетъ вѣчно чуждъ заѣмныхъ вдохновеній,
И да цвѣтеть твой ярко-пестрый рай
Безъ нашихъ гордыхъ грѣзъ и позднихъ сожалѣній...
Пусть твой толпа, одѣтая въ родной,
Плѣтвой, просторный шелкъ, безъ ссоры, съ трудовой
Тысячелѣтней стариной,

Идетъ впередъ безъ пресыщенія,
Безъ паглоу пицеты, безъ рабскаго смиренія,
И силой мѣрпаго теченья своего
Ни разу не смутитъ покоя твоего.
Люблю я островъ твой, зеленый... отдаленный...
Вогатый самъ собой, безъ нашихъ торгащей,
Трудолюбивою рукой твоихъ дѣтей
Воздѣланный, какъ камень драгоценный
Въ жемчужномъ поясѣ морей...

Псковъ. Храмъ св. Георгія (постр. 1494 г.). Ориг. рис. А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

Лунная ночь на морскомъ берегу. Съ карт. Нордгрена, грав. Васютъ.

Призракъ на кораблѣ.

Рассказъ (съ французск.) Г. Ла-Люберна.

Первый мой боцманъ и я, мы только что начали измѣрять узловъ и спустились внизъ заняться пунктировкой.

Быть можетъ нинѣ не знаютъ что такое пунктировка. Она заключается въ измѣрениі особымъ инструментомъ морской карты по длинѣ и ширинѣ, чтобы точно опредѣлить мѣсто нахождения корабля въ открытомъ морѣ.

Такимъ образомъ каждый день около 12 час. опредѣляютъ пункты нахождения и, сравнивая съ пунктомъ отправления, вычисляютъ пройденное пространство.

Брюсъ—такъ звали моего первого боцмана—усѣлся по обыкновенію въ своей каютѣ и углубился въ свои вычисления. Брюсъ обладалъ особеннымъ способомъ рѣшать эти задачи. То былъ совершенно своеобразный, свойственный ему, фантастическій и удивительный способъ, но онъ съ нимъ отлично справлялся. Въ болѣе счастливыхъ случаяхъ я предоставлялъ ему эту работу.

Ожидая когда онъ кончитъ, я прохаживался по каютѣ. Въ этотъ день дулъ свѣжій и поутный вѣтеръ, была настоящая погода мореходовъ, но барометръ упалъ. Обезножосный и поднялся на палубу.

Занятый своими цифрами, Брюсъ не замѣтилъ моихъ движеній. Онъ вѣроятно думалъ, что я по обыкновенію сижу за конторкою, недалеко отъ его стола, такъ какъ, окончивъ вычисления, крикнулъ, не поворачивая головы:

— Капитанъ, мы находимся подлѣ 45° 8' 10" сѣверной широты и 42° 7' 6" западной долготы; мы прошли 96 узловъ.

Онъ получалъ отвѣта и все еще погруженный въ работу, боцманъ продолжалъ:

— Именно такъ. Вотъ посмотрите! Скорость хода 4000 метровъ въ секунду. Мы сдѣлали со вчерашняго дня 96 километровъ. Но мало, не правда ли, капитанъ?

И наконецъ въ первый разъ за всю четверть часа, боцманъ поднялъ голову и обратился въ ту сторону, гдѣ, по его убѣжденію, я долженъ былъ сидѣть за конторкою.

Тамъ тишина.

Заинтересованный, и на этотъ разъ съ широко открытыми глазами, Брюсъ поднялся со своего мѣста и тою, свойственною морякамъ, раскачивающагося походкою сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; вдругъ онъ остановился въ ужасѣ и удивленіи.

Тотъ кто писалъ на моемъ мѣстѣ повернулся и въ полумракѣ каюты блѣдно выяснились черты совершенно незнакомаго ему человѣка.

Онъ смотритъ на свою медвѣжьё силу и отвагу, Брюсъ чуть не лишился сознанія подлѣ взглядовъ этихъ глубокихъ впадинъ глазъ съ расширенными зрачками, глядѣвшими съ какою то сверхчеловѣческаю силою и угрозенными на него.

Онъ отступилъ къ лѣстницѣ и въ одинъ прыжокъ очутился на палубѣ.

Совершенно разстрошенный, подошелъ онъ ко мнѣ.

— Что съ вами, Брюсъ?

— Право, капитанъ, тамъ внизу какой то человѣкъ, лицо его я въ первый разъ вижу.

— Это вѣрно второй боцманъ или провантмейстеръ.

— О нѣтъ, капитанъ, это незнакомый, совсѣмъ посторонній... онъ сидитъ за вашей конторкой... и глаза у него!.. о, эти глаза!

— Посторонній. Что за вздоръ! Мы цѣлый мѣсяцъ на морѣ. Вы съ ума сошли.

— Очень возможно, капитанъ... но я его видѣлъ! Я видѣлъ его такъ, какъ вы вижу вась!

— Кроме того, продолжалъ я, если, какъ вы утверждаете, на кораблѣ ужасно человѣкъ, т. е. незаконный пассажиръ, то ваша первая обязанность была схватить его за воротъ и привести сюда. Гдѣ же онъ? Приведите его!

Послѣ этихъ словъ Брюсъ, казалось, сильно разсердился.

— Капитанъ, я никогда не вѣрилъ въ привидѣнія, духовъ и тому подобное, но если бы я рѣшился сказать что я думаю, я предпочелъ бы—я предпочитаю не оставаться вторично наединѣ съ этимъ лицомъ.

— Брюсъ, поведение ваше просто смѣшно. Приведите сейчасъ же сюда этого человѣка, понимаете? Сейчасъ!

Первый боцманъ поблѣднѣлъ и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Капитанъ, сойдемте внизъ выстѣ.

— Хорошо!

Мы спустились по лѣстницѣ. Но въ каютѣ не было никого.

— Ну, Брюсъ, не правъ ли я, что вы гресите на яву,

— Капитанъ, сказалъ серьезно мой первый боцманъ, показывая на конторку, будь я проклятъ, если не видалъ тутъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, нищаго на вашей грифельной доскѣ.

Взглянувъ механически на конторку, я дѣйствительно увидѣлъ на доскѣ надпись, и подойдя ближе, прочелъ написанный твердымъ почеркомъ слова:

— Правъ на С. З. 1/4 З.

«Это что такое? Какимъ образомъ получилъ я письменное указаніе измѣнить направленіе корабля при попутномъ вѣтрѣ и безъ всякой уважительной причины? Это плохая шутка», подумалъ я и пристально поглядѣлъ на Брюса.

Въ прекрасномъ почеркѣ на доскѣ не было ничего похожего на каракули моего первого боцмана. Признаюсь, я былъ въ затрудненіи. Я повернулъ доску и велѣлъ Брюсу написать тѣ же слова. Уже по направленію его буквъ,—не говоря о правописаніи—я тотчасъ увидѣлъ, что оба почерка не имѣютъ между собою ничего общаго. Ту же пробу я продолжалъ со вторымъ боцманомъ, съ провантмейстеромъ и съ рулевымъ, т. е. единственными лицами изъ восемнадцати моихъ моряковъ, умѣющими писать. Ни чей почеркъ не былъ похожъ на буквы таинственной надписи.

Что было дѣлать? Дѣйствительно ли на кораблѣ былъ посторонній человѣкъ? Я приказалъ собраться всѣмъ и обратился къ экипажу:

— Первый боцманъ утверждаетъ, что на кораблѣ при отъѣздѣ забрался человѣкъ, который отъ насъ скрывается. Тотъ кто доставитъ мнѣ этого человѣка живымъ или мертвымъ, получитъ сегодня двойные раціоны. Ступайте!

Каждый уголокъ, каждая щель корабля стали предметомъ самыхъ тщательныхъ поисковъ. Любопытство было сильно возбуждено. Каждый хотѣлъ знать какимъ образомъ могъ забраться сюда посторонній.

Нѣсколько взволнованный необыкновеннымъ движеніемъ и вообще удивительнымъ происшествіемъ, я поднялся къ рулевому. Ярко-красная облака покрывали небо.

Посомъ противъ теченія, корабль нашъ шелъ шесть вѣроятно узловъ десять въ часъ, посреди шумящихъ и пѣнящихся вокругъ него волнъ. Киль его оставилъ позади себя длинную полосу пѣны.

Спустя минутъ десять первый боцманъ доложилъ мнѣ, что поиски не привели ни къ чему. Я облокотился на перила.

— Итакъ, Брюсъ, вы теперь довольны?

— Нѣтъ, капитанъ.

— Почему же?

— Я видѣлъ человѣка, а вы видѣли его почеркъ.

— И что же?

— И вотъ, капитанъ, болѣе даже чѣмъ его лицо мепя страшило надпись этого человѣка.

— Вы можете быть дуракомъ, Брюсъ, что падо исполнить то, что написано?

— Да, капитанъ, мы направимся къ сѣверо-западу. Мы можемъ ѣхать и противъ вѣтра.

— Но мы потеряемъ много времени.

— Но зато, мы можемъ быть избѣжить большаго несчастія, отвѣтилъ Брюсъ.

Такая необыкновенная пастойчивость первого боцмана удивила меня не мало. На кораблѣ послышался подозрительный шумъ; я былъ разсерженъ.

Я сталъ выглядывать въ море. Чѣмъ дажѣ подвигался день, тѣмъ горизонтъ, казалось, становился шире. Тучи, гонимыя съ юга, затѣснили солнце, прорѣзавшее своими лучами западную облака и окрашивавшее въ красный цвѣтъ вздымавшіяся волны.

Я оставилъ рулевого и сошелъ на палубу.

— Слушайте, Брюсъ, я исполню ваше желаніе, но, поймите, ваши привидѣнія и духи тутъ не причемъ. Я вижу мегѣ загадочную грозную надпись. Посмотрите туда. Видите тамъ водяной столбъ, дождевыя облака гонимыя вѣтромъ? Это вихрь. Прикажите держаться на С. З. 1/4 З. и пошлите на мачту лучшаго матроса.

Часовъ около трехъ часовой на мачтѣ доложили, что на горизонтѣ показалась ледяная гора. Издали она вначалѣ казалась небольшою глыбою льда. По мѣрѣ приближенія ледъ обрисовывался ея край—она была почти хрустальной прозрачности. Ея близина ярко выдѣлялась на зеленыхъ волнахъ, ее омывавшихъ. Спустя часъ, величественная гора выдѣлялась на морѣ во всемъ ея объемѣ. Это была масса высокихъ, отвѣсныхъ, острыхъ горъ съ глубокими пещерами, о которыхъ съ шумомъ разбивались волны; цѣлая масса безформенныхъ глыбъ съ острыми краями, покрывавшихъ море цѣною. Вся гора имѣла видъ гигантской раковины, на половину выдававшейся надъ моремъ. Внутри этой раковины, безъ сомнѣнія, находились громадныя колонны, но издали она казалась совершенно легкой. Я направилъ на эту громаду подозрющую трубу и у подножія этого плавающего острова увидѣлъ два предмета, быть можетъ двѣ морскія птицы. Векорѣ однако оказалось, что это не морскія птицы, а люди: мужчина и ребенокъ.

Я приказалъ тотчасъ спустить лодку. Второй боцманъ и четверо гребцовъ сѣли въ нее и вскорѣ достигли несчастныхъ, которыхъ прижали на лодку, и малпавились обратно.

Въ эту минуту въ воздухѣ произошла рѣзкая перемѣна. Ледяная гора, медленно плывшая къ югу, оставила позади себя ледяную температуру. Вѣтеръ затихъ. Солнце казалось кровавымъ, кругъ его сильно расширился. Задолго до обычнаго времени своего появленія заблестали звѣзды, но слабыя, матовыя свѣтомъ. Я разсматривалъ съ минуты на минуту темнѣющій горизонтъ, обложанный гнуровыми и мѣдно-красными облаками. Порывы вѣтра рвали наши снасти.

— Убирать паруса! закричалъ я.

Рулевой повторил это и звук его трубы, покрывший шум ветра, вызвал матросов.

Между тем лодка со спасенными приближалась.

В ту минуту как случился был канат и лодка достигла корабля, первый бодман, исполнявший должность матроса, вскрикнул и в сильном волнении приближался к ним.

— Что случилось, Брюс?

Указывая рукою на блédного, лишившагося чувств человека, которого с ребенком несли матросы, первый бодман проговорил в ужасе:

— Вот он!

— Кто?

— Человек... человек... которого я видел внизу.

И собираясь ответить, как вдруг заметили огненный шар, который припал к падающей звезде. Шар отлетел поднялся над нами и упал в воду, недалеко от корабля, с шипением раскалиенного ядра. В ту же минуту небо, казалось, разверзлось с ужаснейшим треском. Корабль наш дрогнул до кила, точно ударился о скалу. Дождь, град, гром и молнии — все обрушилось сразу, и черные бóльшие волны океана начали вздыматься к небу. Буря разразилась над заднею частью корабля, поскорбав, не смотря на сопротивление волн, шел к С. В. $\frac{1}{4}$ В. Это нас спасло. Нас словно подхватила какая то непреодолимая сила.

После первого толчка, люди немного оправились от страха. Нас гнало вихрем. Когда ветер улегся, мы поставили паруса, чтобы управлять ходом нашего корабля. Старик рулевой, стоя у руля и вытирая мозолистою рукою соленую воду, капающую с его бороды, сказал:

— Если бы ветер вылетел того чтобы дуть спереди, подул сбоку, будь я проклят, если бы мы не очутились уже на дну.

Укрýпив все и натянув паруса, мы пустились корабль, после чего и отвалился к спасенным нами.

Мужчина был вполне обезжизнен. У него было мертвенное лицо и безжизненные глаза. Зубы его стучали. К общему оточанию присоединились подозрительные признаки чумы. На

деснах показывалась кровь при малейшем прикосновении и ноги опухли. Как видно, не малые лишения вынес этот разслабленный теперь организм. Корабельный повар давал ему маленькими глотками укрýпляющий напиток.

Приходя в сознание, человек этот спрашивал: „Ребенок, где ребенок?“

Ребенок, которому было около двенадцати лет, сидел на скамье и жадно пил чай с ромом. Он показывал необыкновенную радость и постоянно вскрикивал: „Корабль, корабль!“

Остается сообщить еще самое странное во всей этой истории. Спустя несколько дней, когда потерявшие крушение несколько восстановили силы, произошло нечто, подтвердившее появление загадочной надписи.

Желая записать имя спасенных нами, я спросил у мужчины его фамилию. Это было шведское имя с торловыми звуками и составными гласными, почему я просил его самого выписать фамилию свою и ребенка.

Он быстро написал следующее: Юлий Фенингер, директор китоловного общества Финского залива и Аландских островов, и Карл Шнорр, сын Вильгельма Шнорра в Гельсингфорсе.

Пескыханная вещь! Почерк этого человека поразительно напоминал надписи на грифельной доске. Из любопытства я просил Юлиа Фенингера написать карандашом знаменательную фразу, надлавную столько волнения на корабль. С необыкновенною точностью черты его надписи согласовались с чертами фразы, написанной на доске.

Я уничтожил обе надписи и предположил не говорить ничего ни Брюсу, ни Фенингеру.

Волны скоро поправились.

Спустя две недели мы простились с ними в Сент-Жань, куда мы пристали после шестидесяти опасного плаванья.

Описанное мною действительно было. Но кто объяснит это происшествие?

Величайшая обсерватория в мире.

Обсерватория Лика в Калифорнии, величайшая в мире, настолько уже устроена, что ее предполагают открыть в течение будущего года. Основатель ее, Джеймс Лик, уроженец Пенсильвании, умирая, завещал 700,000 долларов (1,400,000 р.) под условием, чтобы телескоп обсерватории по величине превосходил все существующие. Местом устройства обсерватории была выбрана гора Гамильтон и вершина ее названа Ликом Обсерватории. Гора лежит на высоте 4,000 футов над уровнем моря; в виду того, что вершина не составляет еще преимуществ, Г. Бурнгам из Чикаго, известный своими открытиями двойных звезд, отправился на несколько месяцев на гору, с целью изследовать ее положение в астрономическом отношении. Г. Бурнгам приметил в заключение, что гора Гамильтон не только лучшее место для обсерватории в Соединенных Штатах, но лучшее во всем мире.

Изготовление громадного телескопа дело очень трудное, и лучшая в Германии фирма Мерца, в Мюнхене, отклонила заказ. После долгих переговоров, изготовление принял на себя Говард в Дублине, поставивший большие рефлекторы для Мельбурна в Австралии и для финского телескопа. Говарду было поручено изготовить рефрактор. Поставку стекол, на изготовление которых потребовалось несколько лет, принял на себя Фейль в Париже и составление объектива — Альван Кларк и сын его в Кембридже-Порте, в Массачусетсе, складывавшие уже следующие телескопы: в Чикаго (18 дюймов), в Принцтон (23 дюйма), в Вашингтон (26 д.) и в Петербурге (30 д.). Таким образом телескоп Лика, в 36 дюймов, будет, согласно желанию завещателя, величайшим в мире. Новый объектив имеет еще то преимущество, что обладает третьей линзой и может поэтому быть превращен в большую камеру, которая, в многих случаях, заменит фотографическую трудную метрическую измерение.

Громадные и чувствительные машины, которыми будет управляться на любое место неба длинная, в шестьдесят футов труба и приводиться в действие помощью часового механизма, будут изготовлены по контракту фирмой Варпера и Свезы в Клевеленде, в Огйо. Большие металлические массы, образующие оси и подставки инструмента, должны приводиться в движение механизмом, части которого так жежны, как

части часов. К этому присоединяются приспособления для управления и направления аппарата, для освещения различных частей его и для доставления наблюдателю возможности различать тонкие линии, показывающие каждую минуту на какую звезду направлено его направление.

Совсем ново изобретенное Губббом в Дублине, лицом ответственным за поставку телескопа, приспособление для приведения наблюдателя в правильное положение. Стул его должен быть так устроен, чтобы, в случае надобности, поднимался на тридцать пять футов вверх. Это достигается при помощи четырех гидравлических приборов, поднимающих весь каменный пол купола на 16½ футов вверх.

Воспользуясь теперь взглядом на удивительную обсерваторию, впечатляющую нить на Тихоокеанском склоне горы. На одной стороне высится купол над большим телескопом, на другой находится меньший купол, с меньшим телескопом, и между обоими тянется коридор, с жилыми и рабочими комнатами по сторонам. На ровной местности, полученной от взорвания 3,750,000 пудовой скалы, стоит большой меридиальный круг, вращающийся телескоп и фотогелиограф, и каждый аппарат имеет отдельное помещение. Пред площадью открывается чудный вид к западу, видится город С. Жозе, белые дома которого оживляют прекрасную долину, на которой он стоит. Со стороны Тихого океана тянется темная гора, а к северу — горы пережелеются с плоскостями. При очень ясной погоде, в расстоянии 250 английских миль, видится нить горы Шаста, а при заходе солнца, на западе обрисовывается Сьерра-Невада, отстоящая на 130 миль. На юге видится такая же высокая гора, как Гамильтон, отдаленная глубиной, в 1000 футов, пропастью. Западная гора, названная: гора Конерника, отстоит от С. Жозе на одну милю далее, нежели нить обсерватории; гора Кенсера (4318 фут.) возвышается между ними; другие вершины названы также именами других корифеев астрономии, так напр.: нить Птолемея, Галилея, Гиппара, Тихо-де-Браге и Гюгенса.

По окончании обсерватории, она немедленно будет передана управлению университета в Калифорнии, который назначит астрономов. Предполагают пригласить кроме того выдающихся астрономов со всего мира и предоставлять им пользование приборами в определенные часы.

К рисункам.

Въезд Иоанна Грозного в Новгород.

(Рис. на стр. 1300).

Нéкогда „вольные города“ Псков и Новгород, лишенные своих прав в царствование Иоанна IV — долго еще сохранили

прежние предания и воспоминания. Новгород назывался Великим и заключал, бывало, договоры с королями... Среди буйной молодежи новгородской было глухое недовольство и расположение к Москве. Это выражалось разными всынками и мѣшало осуществлению твердой идеи единодержавия, пре-

слѣдующей царемъ, который, по своему обыкновенію, рѣзко, грозно и кроваво громилъ остатки буйной волиницы Новгородца. Онъ вывелъ изъ Пскова 500 семействъ, а изъ Новгорода 150 въ Москву. Лишаемые родины плакали, оставшіеся дома дрожали за свое достоинствѣ, за свою голову. Въ это время невысказаннаго раздраженія царя противъ Новгорода, нѣкто Петръ, родомъ волинецъ, лѣтомъ 1569 года, бѣжалъ къ царю и донесъ, что новгородцы готовятъ заговоръ, возстаніе. Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ разслѣдовать дѣло и рѣшился окончательно разгромить непокорный Новгородъ. Въ декабрѣ 1569 года онъ съ царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ дворомъ, съ опричниками, двинулся изъ Александровской слободы и началъ разгромъ съ границъ тверскихъ владѣній. Съ Клипа до самой Твери все было разорено; особенно пострадала Тверь. 2 января 1570 года передовой отрядъ царской дружины вошелъ въ Новгородъ, ему было велѣно устроить крѣпкія заставы вокругъ всего города,

Сказавъ это, Іоаннъ велѣлъ Пимену идти съ крестами въ Софійскій соборъ и служить обѣдню. Царь молился усердно, послѣ обѣдни пошелъ къ архіепископу въ столовую палату, къ трапезѣ, сѣлъ за столъ со всѣми боярами, но въ началѣ трапезы вдругъ далъ знакъ своимъ, по обычаю, рѣзкимъ крикомъ. По этому знаку начали отбирать казну архіепископа и весь его дворъ, самого владыку отдали подъ стражу. Послѣ этого немедленно открылся судъ надъ измѣнниками на Городницѣ. Судилъ самъ Іоаннъ и слылъ его. Ежедневно представляли имъ отъ пятисотъ до тысячи и болѣе новгородцевъ, ихъ били, пытали, жгли какою-то „составною мудростію огненной“, которую лѣтописецъ называетъ *поджаромъ*; обвиненныхъ привязывали головою или ногами къ саямъ, волокли къ Волховскому мосту и оттуда, со связанными руками и ногами, бросали въ рѣку, цѣлыми семействами: жень съ мужьями, матерей съ дѣтьми. Чтобы никто не могъ спастись, ратники московскіе бѣдили

Изобрѣтатель. Съ карт. Р. Кнайта, грав. Ричардъ.

чтобы ни одинъ человѣкъ не могъ спастись бѣгствомъ. Бояре и начальники отрядовъ передового войска бросались на подгородные монастыри, запечатывали монастырскія казны, ввязали игуменовъ и монаховъ, выскивали съ каждого изъ нихъ по 20 рублей, а кто не могъ заплатить этого налога, того ставили на правое до государева прѣзда. Другіе собирали отъ всѣхъ новгородскихъ церквей священниковъ и дяконовъ и отдали ихъ приставамъ. Ихъ держали въ желѣзныхъ оковахъ и каждый день били на правей. Опечатаны были дворы всѣхъ богатыхъ жителей, гостей, купцовъ; жень и дѣтей держали подъ стражею. 6 января прѣхалъ Іоаннъ и со всѣмъ войскомъ сталъ на торговой сторонѣ, на Городницѣ. На другой день вышло первое повелѣніе: игуменовъ и монаховъ, которые стояли на правей, бить до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. Въ воскресенье 8-го января Іоаннъ вѣхалъ въ Кремль къ св. Софіи къ обѣдѣ, на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ съ чудотворными иконами и хотѣлъ осѣнить крестомъ, но Іоаннъ не принялъ благословенія и сказалъ Пимену: „Ты, злочестивый, держишь въ рукѣхъ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце: со своими единоплеменниками, зѣланными горожанами, хочешь нашу отчизну, великій, богоспасасмый Новгородъ предать иноплеменникамъ, литовскому королю Сигизмунду-Августу; ты не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, измѣнникъ нашей царской багряницѣ и вѣщу“.

на лодкахъ по Волхову съ кольями, баграми и сѣкирами, и кто всплывалъ наверхъ, того прихватывали баграми и погружали въ глубину; такъ шло каждый день въ продолженіе почти пяти недѣль. Затѣмъ Іоаннъ объѣзжалъ всѣ обители вокругъ Новгорода и тамъ приказывалъ отбирать все и опустошать дворы и келіи, жечь въ житницахъ хлѣбъ, бить скотъ. Весь Новгородъ былъ преданъ грабежу; царь бѣдилъ изъ улицъ въ улицу и наблюдалъ за разрушеніемъ; разсыпавшася по городу дружина разгромила палаты и кладовыя, воины отбивали ворота, дѣлили между собою шелковыя ткапи, мѣха, жгли пепьку, кожи; что не могли забрать—бросали въ воду. Въ то же время вооруженныя толпы были отравлены во всѣ четыре стороны, въ плотины, по стадамъ и волостямъ, верстѣ за 200 все было разрушено. Наконецъ, 12 февраля, Іоаннъ призвалъ къ себѣ остальныхъ именитыхъ новгородцевъ, изъ каждой улицы по одному человѣку, и велѣлъ поставить ихъ передъ собой. Они стали передъ нимъ блѣдные, изможденные, ожидали смерти, но царь взглянулъ на нихъ кроткимъ и милостивымъ окомъ и велѣлъ оставшимся въ живыхъ молить Бога за Царя и его воинство и объявилъ, что оставлять въѣзго себя воеводу князя Петра Давидовича Пронскаго. Архіепископа Пимена посадили на бѣлую лошадь, въ худой одеждѣ, съ волинокою, съ бубномъ въ рукахъ, и какъ скомороха возили по улицамъ, затѣмъ его съ приставами отправили въ Александровскую слободу. Нашъ рисунокъ изображаетъ эпизодъ изъ этой мрачной эпохи—встрѣ-

чу Грознаго съ юродивымъ во время въѣзда въ Повгородъ. Юродивые пользовались большимъ уваженіемъ среди народа, ихъ чтили какъ святыхъ; они смѣло выступали неоднократно съ обличеніями вѣрствъ Іоанна. Преданія о такихъ юродивыхъ сохранились въ нѣсколькихъ городахъ. Царь, разсерженный

Бориса, который, проходя мимо, только просить его молиться за него. Лѣтописецъ рассказываетъ, что и Псковъ былъ спасенъ главнымъ образомъ благодаря старцу Салосу Николѣ, который, подъ защитою своего юродства, не побоялся обличать вѣрства. Рассказываютъ, что онъ предложилъ Іоанну въ даръ

Длинноязычные колибри въ своемъ гнѣздѣ. Рис. Діакомелли, грав. Тилли.

словами юродиваго, поднимаетъ концы и хочетъ имъ произвить обличителя, но народъ кругомъ возопилъ: „Не трожь его! не тронь блаженнаго! Въ панихъ головахъ ты воленъ, а блаженнаго не тронь!“ Не смотря на свою грозную и неводержимую натуру, царь удержался и не убилъ юродиваго. Пушкинъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ также выводитъ блаженнаго, обличающаго

кусокъ сырого мяса, на что царь сказалъ: „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ Великій постъ“, но Никола отвѣчалъ: „Ты дѣлаешь хуже—питаешься человѣческимъ плотію и кровію, забывалъ не только постъ, но и Бога“. Грозилъ ему и предсказывалъ несчастія и такъ устрашилъ Іоанна, что тотъ выѣхалъ изъ города, пощадивъ жителей.

У костра. (Рис. на стр. 1301).

Къ мальчикамъ - табунщикамъ, которые грѣются у костра ночью и стерегутъ насущихся лошадей, подосѣли два охотника. Одинъ изъ нихъ, съ ружьемъ за плечами, пабавляетъ себя трубочку и о чемъ-то толкуетъ съ ребятами. Мальчики собрались кругомъ, прислушиваясь къ разговорамъ, одинъ изъ нихъ показывается что-то рукою, а вдали и за ними видны лошади табуна, насущихся на озаренной луною лѣсной лощинѣ.

Молодая дѣвушка. (Рис. на стр. 1305).

Этюды талантливаго художника Бласса не разъ помѣщались въ „Нивѣ“ и обращали на себя вниманіе своими достоинствами. На этотъ разъ художникъ изобразилъ престелое личико молодой дѣвушки, обрамленное юною, черныхъ волосъ и складками темнаго платка, отчего очень эффектно выдѣляется самое лицо, съ весьма милымъ выраженіемъ.

Церковь св. Георгія во Псковѣ. (Рис. на стр. 1308).

Церковь св. Георгія находится въ той части Пскова, которая известна подъ именемъ „Полонница“ и которая въ 1580 году болѣе всего пострадала отъ нашествія полчищъ Стефана Баторія. Построена она камепною въ 1494 году, до этого же времени была деревянная и затѣмъ сгорѣла, такъ какъ съ 1450 года начались во Псковѣ страшные пожары, по нѣскольку разъ истреблявшие цѣлый городъ. Пазваніе свое „со взвоза“ получила отъ того, что находится почти на самомъ берегу рѣки Великой, гдѣ сдѣлана въ рѣкѣ покатость для въѣзда или „взвоза“ и гдѣ издревле паходился снровозъ. Церковь эта своєю архитектурой можетъ служить типичной представительницей Псковскихъ и Повгородскихъ церквей. Покрота была церковъ восьмикратной крышей. При входѣ въ самую церковъ, зритель пораженъ множествомъ кругообразныхъ темныхъ дырочекъ въ стѣнахъ, барабанѣ и куполѣ. Это такъ называемые голосники, — кувшины или горшки, вдѣланные въ стѣну и образующие отверстіями во внутренность церковъ и служащіе для усиленія звука. Расположены они безъ всякой правильности и нѣрѣдко разныхъ величинъ. Большинство этихъ голосниковъ въ настоящее время замасаны штыкатуркой. Внутренность церковъ была расписана когда-то фресками, теперь залитуратурными и закрашенными. Подъ церковью находится такъ называемая „подклѣтъ“ или высокій подвалъ, сообщающійся съ подземнымъ ходомъ, который обходитъ весь городъ и даже далеко идетъ за площадь его. Подземные ходы служили прежде, при нападеніи на городъ неприятелю, мѣстомъ, гдѣ граждане скрывали свое имущество, женъ и дѣтей. Церковь св. Георгія сыграла свою роль въ исторической судьбѣ Пскова.

Лунная ночь на берегу моря. (Рис. на стр. 1309).

Полная луна всходитъ и обливаетъ все своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Край облаковъ ярко засеребрился, серебряный мостъ лучей засіялъ черезъ весь заливъ. Какъ темный видѣніи, высятся среди озаренныхъ волнъ паруса рыбачьихъ судовъ, скользящихъ по заливу, а вдали бѣжитъ и пышетъ дымакомъ, трубы своей пароходъ. И тихо все кругомъ на морѣ, въ эту лунную ночь.

Изобрѣтатель. (Рис. на стр. 1312).

Цѣлая пѣвая драма въ этой, полной выразительности, картинѣ англійскаго художника Клайта. Почтенный старикъ, весь углубленный въ свои вычисленія и изысканія, живущій мечтою будущаго своего великаго изобрѣтенія, которое, онъ знаетъ, должно будетъ поразить ученый міръ и доставить ему и почетъ, и славу, и богатство. Но пока еще это будетъ, а теперь онъ бѣдствуетъ съ семьей, которая быть можетъ и не въ состояніи оцѣнить его работы, его думъ и мечтаній. Грѣхъ около печки, его старуха-жена и дочь повидимому съ грустью и недовольствомъ смотрятъ на эти, по ихъ мнѣнію, пустые, бесплодные занятія.

Длинноклювые колибри. (Рис. на стр. 1313).

Длинноклювые колибри или жуужающія птички отличаются прекраснымъ опереніемъ. Ихъ называютъ жуужающими птичками отъ своеобразнаго шума, какой они производятъ при летаніи крыльями. Пазваніе колибри медовыми птицами дано имъ неосновательно, точно такъ же какъ нѣтъро предположеніе, что они живутъ нектаромъ цвѣтовъ. Всѣ колибри, которыхъ пытались кормить медомъ, сиропомъ или сахарною водою — умирали отъ голода; напротивъ, въ желудкахъ мертвыхъ птичекъ находили жуковъ и насѣкомыхъ. Колибри эти отличаются особенностями: полетъ птичекъ похожъ отчасти на полетъ бабочекъ, отчасти на полетъ пчелъ, шмелей и жуковъ. Нѣкоторые виды, какъ напр. живущіе на о. Кубѣ, держатся нѣкоторое время, шурина крыльями, надъ цвѣткомъ, просовываютъ въ этомъ положеніи язычекъ въ чашечку и вытаскиваютъ его оттуда внезапнымъ движеніемъ, вылавливая насѣкомыхъ. Они летаютъ толчками, то распуская хвостъ вѣеромъ, то складывая его. Иногда цвѣтущія деревья, какъ тюльпановыя, бываютъ сплошь покрыты колибри, точно пчелами, причемъ ихъ пестрая окраска сверкаетъ на солнцѣ. Движеніе крыльевъ такъ быстро, что зачастую они

кажутся толстымъ покрываломъ. Форма крыльевъ серпообразная. Колибри съ быстротою мысли пролетаютъ большія пространства, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь отъ него, то уносясь въ сторону, то кружась. Ихъ иногда можно принять за летающихъ мотыльковъ, которыхъ они напоминаютъ также своимъ способомъ принадлежать къ цвѣтку. Благодаря ловкости и быстротѣ движеній, колибри обладаетъ увѣренностью и беззаботностью. Они прямо смотрятъ въ глаза наблюдающаго за ними, но при малѣйшемъ его движеніи вспархиваютъ. Точно такъ же колибри умѣетъ избѣгать своихъ враговъ — хищныхъ птицъ. Колибри издаютъ легкое щебетаніе, причемъ обыкновенно высовываютъ далеко изъ клюва свой разсѣченный, волокнистый язычекъ. Ноги колибри не пригодны для хожденія, почему птичка, даже легко раненая въ крылышко, безпомощно лежитъ на землѣ. Пища колибри, какъ мы говорили, состоитъ изъ маленькихъ насѣкомыхъ и жуковъ, которыхъ они ловятъ на лету и добываютъ изъ цвѣтовъ. При этомъ языкъ оказывается ту же услугу, что у дятла, именно: онъ высовывается добычу и вытаскиваетъ ее. Колибри любятъ медъ, но лишь лакомиться имъ, а исключительно живутъ насѣкомыми, почему преимущественно летаютъ возлѣ чашечкообразныхъ цвѣтовъ, гдѣ въ изобиліи падаютъ ихъ. Всѣ колибри большіе драчуны и постоянно схватываются другъ съ другомъ. Эти птички строятъ продолговатые гнѣзда и кладутъ по два узкихъ, бѣлыхъ, сравнительно съ ихъ ростомъ очень большихъ, яйца. Обыкновенно подстилка въ гнѣздахъ состоитъ изъ мягкаго вещества, похожего на хлопчатую бумагу, перемѣшаннаго съ частями растеній и теплою корою напоротниковъ. Каждый изъ видовъ колибри обладаетъ своеобразнымъ способомъ вить гнѣзда.

Больной и докторъ. (Рис. на стр. 1316 и 1317).

Изображеніе животныхъ, придавая ихъ позамъ и виду ихъ физиономіи выраженіе человѣческихъ страстей и чувствъ, требуетъ совершенно исключительнаго построепія таланта, которыми отличались нѣкоторые известные художники. Геніальныя иллюстраціи къ „Рейнеке-Лису“ Гете знаменитаго Вильгельма Каульбаха могутъ служить превосходными образцами въ этомъ родѣ, которыми едва ли есть что либо подобное.

Прекрасные рисунки англійскаго художника Моора изображаютъ юмористическую сценку, разыгрывающуюся между больной собачкой и ея докторомъ. На первомъ рисункѣ бѣдная тощая заявляется: „Ахъ, докторъ, какъ я болѣю“. Докторъ соглашается, что больной такъ охаетъ, что ему слышна тѣтъ бульбонъ, и протягиваетъ лапу къ бульбону и проситъ показать языкъ. По больной за свой бульбонъ вдругъ вскидывается на доктора: „Показать языкъ? А не хочешь ли зубы?“ Рисунки исполнены очень юмористично и выразительно.

Кассовые шары для уплатъ. (Рис. на стр. 1319).

Во многихъ большихъ магазинахъ Франціи и Германіи, ведущихъ обширную торговлю и посѣщаемыхъ массою покупателей, для удобства сношеній съ кассой магазиновъ заведены такъ называемые кассовые рельсы или платящие шары. Эти приспособленія устроены такимъ образомъ, что покупателямъ не нужно ходить для расплаты въ кассу, они платятъ прямо приказчику, у котораго покупали. Послѣдній кладетъ деньги вмѣстѣ со счетомъ въ деревянный шаръ В, изображенный на рисункѣ, поднимаетъ его до катка СС, который тогда опускается до наклонной желѣзной дороги, деревянные рельсы которой обиты кожей для избѣжанія шума. Такимъ образомъ шаръ попадаетъ въ кассовыя конторы. Цѣлая сѣть рельсовъ, по которымъ катятся шары, идетъ въ различныхъ отдѣленіяхъ. Послѣднихъ очень много; каждое изъ нихъ имѣетъ особую величину шары съ нумерами. Различный диаметръ шаровъ даетъ возможность направлять ихъ только ко известнымъ рельсамъ, соответствующимъ величинѣ шара, а нумера служатъ указаніемъ для приказчиковъ. Главный кассиръ, получивъ деньги, даетъ сдачу и вмѣстѣ съ талономъ кладетъ ихъ обратно въ шаръ, пускаетъ его по наклонной плоскости и онъ приходитъ по назначенію. Приказчику остается только притянуть къ себѣ стѣнку Е (отд. видъ № 2), открыть шаръ и вручить содержимое покупателю. Вся эта операція совершается мѣлѣ чѣмъ въ двѣ минуты.

Новая молотилна. (Рис. на стр. 1320).

На сельскохозяйственной выставкѣ 1885 г. въ Парижѣ было нѣсколько образцовъ наклонной молотилки такого тина, какой показанъ на рисункѣ. Наклонъ устроенъ такимъ образомъ, чтобы одновременно воспользоваться тяжестью лошади, приводящей его въ движеніе, а также и подъемною ея силою.

Лошадь, приводящая въ движеніе механизмъ, дѣйствуетъ главнымъ образомъ своею тяжестью; она дѣлаетъ тѣ же движенія какъ при подъемѣ на ступеньки, которыя постоянно ускользаютъ изъ-подъ нея. Ступеньки поддерживаются составными передачами, которымъ такимъ образомъ сообщается движеніе круговое. Работа, развиваемая при этихъ условіяхъ, гораздо болѣе работы при употребленіи исключительно мускульной силы на рукоятку.

Вмѣсто того, чтобы заставлять лошадь идти, постоянно кружась, по горизонтальному пути, пользуются усиленіемъ подъема и

вставляют ее работать поднимаясь по наклону. Доски наклона должны уходить из-под ног; наклон получает такой образ: видъ безконечнаго полотна, состоящаго из составных досокъ, катящихся на параллельныхъ колесахъ, какъ показано на рисункѣ. Движеніе принимается крайними колесами, снабженными блоками, соединенными между собою ремнемъ, и передается, при помощи соответствующихъ колесъ, приемной оси. Весь путь дѣлается соответствующими длинѣ и ширинѣ лошади, которая поднимается въ приспособленіи какъ въ корбикѣ. Въ этомъ положеніи лошадь дѣйствуетъ, постоянно под-

нимаясь и толкая доски полотна подъема. При этихъ условіяхъ лошадь своею тяжестью представляетъ параллельный прида-токъ подъемной силѣ. Средній вѣсъ лошади составляетъ отъ 20 до 30 пудовъ и этотъ придатокъ можетъ достигнуть значительной силы, даже при слабыхъ наклонѣ, ибо подъемная сила лошади, поставленной на наклонъ и идущей нагору, не превышаетъ 3 пудовъ. На молотилкѣ, показанной на рисункѣ, одна лошадь вымолачиваетъ столько зерна, сколько при обыкновенномъ горизонтальномъ снособѣ едва могутъ вымолотить двѣ и даже три лошади.

Политическое обозрѣніе.

12 декабря.

Дружественный отвѣтъ Германіи. — Вліяніе его на европейскую дипломатию. — Последующая политика Германіи въ отношеніи болгарскаго вопроса. — Испугъ Англіи и угрозы, направленные противъ Турціи.

Въ отвѣтъ на „правительственное сообщеніе“, о которомъ мы упоминали въ предыдущемъ обозрѣніи, послѣдовало дружественное заявленіе со стороны германской дипломатіи, выраженное въ органѣ князя Бисмарка „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. Слѣдуетъ германская всеобщая газета признаетъ прежде всего крайне утѣшительнымъ фактомъ, что русскій кабинетъ признаетъ „инсинуаціи“ заявленіе газетъ, что будто-бы причиною болгарскихъ затрудненій является воздѣйствіе со стороны Германіи; затѣмъ она категорически указываетъ на тѣ элементы, которые всѣми силами стараются подорвать существующія между Германією и Россією дружественныя отношенія: это, во-первыхъ, — „французскіе политики реванша“, во-вторыхъ — „англичане“, въ третьихъ — „польская интрига“ и наконецъ въ четвертыхъ — „большинство германскаго рейхстага“, читающее по отношенію къ польскимъ и болгарскимъ интересамъ болѣе темныя чувства, чѣмъ по отношенію къ интересамъ германскимъ. Перечисливъ всѣ эти враждебныя русско-германской дружбѣ элементы, органъ князя Бисмарка удостоиваетъ въ концѣ-концовъ о полномъ довірїи Германіи къ Россіи и выставляетъ это довірїе основнымъ стремленіемъ германскаго правительства къ сохраненію всеобщаго мира.

Понятно, что такой обиліи дружественныхъ заявленій между двумя могущественными Имперіями континентальной Европы произвелъ громадное впечатлѣніе во всѣхъ кабинетахъ европейскихъ державъ. Что касается наконецъ путешествоющей по Европѣ болгарской депутаціи, то она рѣшительно растерялась и безцѣльно металась въ Берлинѣ съ одного параднаго подъѣзда къ другому, не зная кому пристойнѣе излить всѣ скорби и печали софійскихъ правителей.

Между тѣмъ германское правительство успѣло доказать дружбу къ Россіи не одними только словами. „Norddeutsche Allgem. Zeit.“, но и весьма существеннымъ дѣломъ. Оно, напримѣръ, по адресу Австро-Венгріи имѣло возможность напомнить, что апостолу величеству вѣнскому давно пора-бы оставить свою колеблющуюся политику въ отношеніи болгарскаго вопроса, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связаны болѣе серьезныя европейскія оскожденія и при этомъ изъ Берлина весьма недвусмысленно было замѣчено, что если Австро-Венгрія будетъ тормозить улаженіе болгарскихъ дѣлъ, то пусть она отвѣчаетъ сама за послѣдствія этого, не рассчитывая на Германію. Словомъ, болгарскіе депутаты, начавъ такъ счастливо свое паломничество у короля Милана, въ Петербургѣ, и въ Вѣнѣ, будучи полны розовыхъ надеждъ и улоуваній, выѣхали изъ Берлина съ кислыми мидами и сконфуженнымъ лицомъ, и направились въ Парижъ. Но французскій совѣтъ министровъ рѣшилъ принять

болгарскихъ депутатовъ только какъ частныхъ лицъ. Затѣмъ депутаты конечно направились въ Лондонъ, найти тамъ утѣшеніе отъ своихъ старинныхъ друзей и подстрекателей.

Болѣе всѣхъ берлинское откровеніе, разумѣется, пришлось не по думѣ Англіи. Въ Лондонѣ хорошо поняли, что при такомъ направленіи берлинской политики Англіи весьма легко можетъ остаться въ одиночествѣ, съ полною потерей своего престижа и съ ущербомъ своихъ интересовъ. Дѣло приняло такой оборотъ, что тамъ рѣшили предпринять что-либо особенное и даже выдающееся изъ общей нормы дипломатическихъ отношеній между государствами. Именно этимъ и можно объяснить крайне рѣзкую и даже непримиримую статью лондонскій министерской газеты „Morning Post“, направленную противъ оттоманской Порты. Прежде всего министерская газета начинается съ инсинуаціи и объясняетъ единомысліе Россіи и Турціи угрозами со стороны Россіи, и послѣ того она ставитъ на видъ оттоманскому правительству, что Англія во всякомъ случаѣ будетъ противодействовать Россіи и прибѣгнетъ немедленно къ энергическимъ мѣрамъ, болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ русскія угрозы. Англія, говоритъ „Morning Post“, не отступаетъ отъ своей традиціи — сохранять цѣлость Турецкой имперіи, но въ виду серьезнаго положенія на Востокѣ, она не допуститъ, чтобы султаны и его совѣтники продолжали настоящую политику...

Нечего и говорить, что расчетъ маркиза Салисбюри является крайне пестрымъ. Султаны и его совѣтники уже достаточно оцѣнили стоимость англійской оеки, а относительно охраненія цѣлости Турецкой имперіи они имѣютъ живой примѣръ въ англійскихъ захватахъ острова Кипра и Египта. При томъ министры не рассчитали еще того, что континентальнымъ государствамъ до крайности надоѣлъ болгарскій вопросъ, способный вызвать болѣе серьезныя замѣшательства, а потому они едва ли дадутъ ходъ новымъ англійскимъ интригамъ. Что же касается угрозъ, направленныхъ противъ Порты, то въ Лондонѣ вѣроятно забыли, что охраненіе неприкосновенности Турецкой имперіи асигнуетъ не на одной Англіи, а на обязанности всѣхъ великихъ державъ; поэтому будетъ вполнѣ послѣдовательно, при открытіи непріязненныхъ дѣйствій Англіи противъ Порты, если русскій флотъ явится для защиты Дарданелла и французскій для защиты береговъ Египта...

Между тѣмъ, 10 декабря, лордъ Черчилль сажаятъ съ себя должность канцлера казначейства. Объясняютъ его отставку нежеланіемъ отягощать государственный бюджетъ чрезвычайными кредитами, которые военный и морской министры признаютъ необходимыми для арміи и флота. Въ виду финансовыхъ затрудненій, лордъ Черчилль считаетъ размыръ требующихъ кредитовъ слишкомъ значительными и полагаетъ, что вѣнныя политическія обстоятельства не обуславливаютъ необходимости такихъ расходовъ.

Разныя извѣстія.

Правительственные извѣстія.

— На организацію переселеній въ Южно-Уссурийскій край, и въ Черноморскомъ округѣ, ассигновано на будущій годъ 137,000 руб.

— Въ Государственномъ Совѣтѣ идетъ пересмотръ сметъ доходовъ и расходовъ на будущій 1887 годъ. Въ нынѣшнемъ году проекты сметъ были заготовлены всѣми министерствами значительно раньше предшествовавшихъ лѣтъ.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ ожидаетъ въ 1887 г. доходовъ казны отъ страхованія суммъ и капиталовъ, пересылаемыхъ по почтѣ, около 3½ милліоновъ рублей.

— Рѣшено выдать въ будущемъ году въ пособіе ученымъ обществамъ: имп. московск. изыскателей природы — 4,850 руб., московско-му же исторіи и древностей — 5,000 руб., петербургскому минералогич. — 2,850 руб., императ. русск. археологич. — 5,000 руб., императ. русск. историч. 8,000 руб., всего разнымъ обществамъ до 60,000 р.

Военное и морское дѣло.

— Крѣпость Александрополь перенменована по высочайшему повелѣнію въ крѣпость складъ.

— Волепопредѣляющіеся, если не состоятъ въ учебникъ заведеній, съ правомъ на отсрочку, должны зачисляться въ ряды до начала призыва новобранцевъ.

— Начальникъ 3-й гвар. пѣхотн. дивизіи сдѣлалъ распоряженіе, чтобы помки его дивизіи замѣняли всѣхъ подрядчиковъ-поставщиковъ евреямъ христіанамъ.

— Персидское военное министерство проявляетъ усиленную дѣятельность. Численность общаго состава персидской арміи достигла въ настоящее время 150,000 человекъ. Изъ нихъ 80,000 — регулярное постоянное войско (низамъ), 70,000 — „черикъ“ т. е. нерегулярное — кавалерія и ополченіе. Регулярное войско въ послѣдніи 15 лѣтъ обучается по европейскимъ образцамъ, подъ руководствомъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ офицеровъ, и экипировано по-европейски.

Торговля и промышленность.

— Въ послѣднее время плѣны на платину понизились на 800 р. съ пуда, вслѣдствіе открытія новыхъ рудъ платины въ Америкѣ; еще въ началѣ ноября продававшаяся по 4,700 р. сибирская платина не находила теперь покупателей по 3,900 р. съ пуда.

— Обиліе овечьей шерсти на Кавказѣ привлекаетъ покупателей изъ-за границы; недавно туда прибыли агенты одной изъ бельгійскихъ фирмъ. Между прочимъ, этою фирмою была куплена громадная партия шерсти (болѣе 10,000 пуд.) въ Персіи; шерсть эта отправлена въ Батумъ.

— Въ Бухарѣ возникаетъ пѣсколько торговыхъ товариществъ для оптовой торговли бухарскими шелками съ русскими и иностранными рынками.

Наука и литература.

— Въ Петербургѣ возникаетъ шведско-русское литературное общество, для ознакомленія, посредствомъ переводовъ, русской публи-

ки съ шведскою литературою и шведскою публики—съ русскою.

— Министерство народного просвещения предполагает израсходовать въ 1887 году на содержание всѣхъ русскихъ университетовъ болѣе 3.000.000 рублей.

— Парижская издательская фирма Гетцеля выпустила, во французскомъ переводѣ, прекрасно иллюстрированный „Дѣтство и отрочество Толстого“. Книга издана роскошно. Переводчикъ готовитъ книгу о Толстомъ подъ заглавіемъ: „Графъ Л. Толстой прежде и теперь“. Семейное счастье вышло въ Парижѣ 5-мъ изданіемъ.

— Молодой натуралистъ Н. М. Котловъ предпринялъ, на собственные средства, путешествие въ центральную Африку.

— Постройка новаго зданія при Императорской академіи наукъ почти закончена и въ январѣ переведутъ въ верхній этажъ зоологическій музей; будетъ здѣсь же выставка многочисленныхъ коллекцій извѣстнаго путешественника Н. М. Пржевальскаго.

— Въ февралѣ будущаго 1887 г. министръ 75 лѣтъ со дня учрежденія императорской публичной библиотеки.

— Путешественникъ по Малой Азіи А. В. Елисейвъ заканчиваетъ свое путешествие на берегахъ Евфрата и въ началѣ января будетъ въ Петербургѣ. Большой интересъ представляють его указанія на существованіе русскихъ поселеній въ центрѣ Малой Азіи.

— Гр. Л. П. Толстой занятъ составленіемъ особаго календаря для народа, который долженъ вскоре появиться въ свѣтъ. Болѣзнъ, которую страдалъ въ точнѣе мѣта беллетристъ, совершенно прошла.

— Утвержденъ въ званіи приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей литературы въ СІВ. университетѣ П. П. Вейнбергъ.

— 7-го декабря, въ присутствіи военнаго министра и мн. народн. просвѣщ., происходилъ годичный торжественный актъ Императорской Военно-Медицинской Академіи. Конференцъ-залъ Академіи былъ переполненъ публикою. Первымъ окончилъ Академію С. Боткинъ, сынъ знаменитаго профессора; его имя будетъ внесено на мраморную доску. Актъ начался рѣчью профессора С. П. Боткина.

Живопись и скульптура.

— Въ административномъ управленіи академіи художествъ произойдутъ важныя перемѣны. Рѣшено предпринять пересмотръ статутовъ академіи и поставить ихъ на уровень современныхъ требованій искусства.

— Передвижная выставка Имп. Акад. Худ. въ 1887 г. направляется въ Екатеринбургъ, ее значительно пополняютъ и она можетъ занять

мнѣхъ рабочихъ на Васильевскомъ островѣ въ СІВ. подвигается весьма быстро и скоро лягнетъ возможность приступить къ внутренней отдѣлкѣ. Сумма поступившихъ отъ фабрикантовъ пожертвованій оказывается значительною и театръ возможно будетъ обставить прекрасно. Рѣшено завести электрическое освѣщеніе, подъемныя декораціи и т. д.

— Въ Константинополѣ 27-го ноября (9-го декабря), въ присутствіи султана, въ его дворцѣ, играли двѣ русскія артистки: г-жа Волховская (виолончелистка, ученица Петербургской консерваторіи, класса проф. Давыдова) и Мусина-Пушкина (пѣвица, ученица той же консерваторіи, класса Зинovieва). Концертъ продолжался два часа, причемъ султану особенно понравился турецкій маршъ Штрауса. Г-жа Волховская и Мусина-Пушкина получили за этотъ концертъ каждый по серебряной медали „за искусство“ и по 100 лиръ (1100 р.) Затѣмъ онѣ играли въ султанскомъ гаремѣ.

— Успѣхъ въ Петербургѣ малороссійской труппы постояненъ. Малороссы сыграли пока 18 спектаклей, давшихъ до 40.000 р. сбора. Ихъ приглашаютъ на 2 спектакля въ Александринскій театръ.

Дѣла церкви. — Открыта учрежденная палестинскимъ обществомъ русская школа въ Назаретѣ въ Палестинѣ, для обученія туземныхъ дѣвочекъ изъ бѣднаго арабскаго населенія молитвамъ и полезному труду. Школа нынѣ посѣщается болѣе нежели 200 воспитанницами. Маленькій городокъ Галилея, гдѣ провелъ свое дѣтство

„Ахъ, докторъ, я такъ боленъ!“

видное мѣсто на сибирско-уральской научно-промышленной выставкѣ.

— Въ слободѣ Алексѣевскѣ, Воронеж. губ., проживаетъ мѣстный крестьянинъ А. С. Корнюшинъ, замѣчательный художникъ-рѣзчикъ. Въ музей Воронежск. губ. статист. комитета была принесена въ даръ ваза съ цвѣтами, работы этого рѣзчика. Онъ преимущественно занимается исполненіемъ заказовъ на рѣзные церковныя предметы.

— Въ Парижѣ скончался извѣстный художникъ Жозефъ Меленъ, ученикъ Делароша и д'Анжера, который занимался историческою живописью.

Театръ и музыка.

— Постройка народнаго театра для фабрич-

Спаситель, живописно раскинутъ на южномъ склонѣ невысокой горы надъ зеленою равниною, тянущуюся до Еписаретскаго озера. Въ русскомъ домѣ помѣщается школа, гдѣ для всѣхъ желающихъ совершается чтеніе и объясненіе Евангелія на арабскомъ языкѣ, причемъ охотно приходятъ родственники, главнымъ образомъ матери воспитанниковъ, иногда въ числѣ отъ ста до полутора.

Медицина.

— Профессоръ военно-медицинской академіи Груберъ рѣшилъ покинуть кафедру тотчасъ послѣ сорока-лѣтняго юбилея его профессорской дѣятельности.

Техника.

— Телеграфное сообщеніе Петербурга съ

Верлиномъ, вслѣдствіе накопленія денегъ, устроить посредствомъ аппаратовъ Витстона, передающихъ болѣе 200 телеграммъ въ часъ. До сихъ поръ передача производилась по аппарату Юза, не болѣе 75 телеграммъ въ часъ.

Городскія извѣстія.

— 13-го декабря, въ залѣ городской думы назначено общее собраніе членовъ общества покровительства животнымъ, въ которомъ будетъ сдѣлано сообщеніе о необходимости принятія мѣръ противъ истязаній животныхъ, ради кулинарныхъ цѣлей.

— Въ Шегербургѣ устраивается еще одинъ артезианскій колодезь, по Обводному каналу, близъ Лиговки, на заводѣ г-жи Струбинской. Выбравъ самую глубину этого колодца составляетъ теперь 500 футовъ. Надѣются получить бьющую фонтаномъ хорошую воду изъ глубины въ 570 футовъ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Симферополѣ (Таврич. губ.) злоумышленники разрыли могилу недавно похороненнаго генерала Абрамова, сняли съ него одежду, вынули изъ черепца золотую пластинку, которая была вставлена нослѣ того, какъ генералъ былъ контуженъ въ голову, и бросили трупъ въ 20 шагахъ отъ могилы.

— Бывшій казначей московскаго воспитательнаго дома, Мельничій, сосланный въ Томскую губ. на житье, по приговору суда, заявилъ о своемъ желаніи постричься въ монашество и уже помѣщенъ въ Алексѣевскій монастырь.

— Въ поселеніе Тоимакъ, близъ Вѣрнаго, Семирѣченской области, ворвалась громадная тигрица и переранила челоуѣка 14, изъ которыхъ челоуѣкъ 5 находятся уже при смерти; солдаты мѣстной команды убили ее.

Смѣсь.

Оцѣнка русскихъ музыкальных инструментовъ за границею. Нельзя не обратить вниманія на значительные успѣхи въ дѣлѣ фортепیانнаго производства въ Россіи. Уже на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 году было констатировано, что фортепیانное производство въ Америкѣ, Англіи, Германіи и Россіи оставило далеко за со-

бою Францію, которая въ свое время по этой отрасли занимала первое мѣсто. Съ 1878 года донынѣ, въ такой, сравнительно короткій промежутокъ, въ Россіи достигнуто вновь значительнаго успѣха, признаннаго на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ въ Антверпенѣ и Лондонѣ. На послѣдней выставкѣ въ Лондонѣ, *устроенной специально для музыкальных издѣлій и изобрѣтеній*, было

приготовленіе жидкаго мясного экстракта. Многія хозяйки питаютъ какое-то особенное, вполнѣ незаслуженное недоуѣріе къ мяснымъ экстрактамъ, въ особенности къ экстракту Либиха, вошедшему за послѣднее время съ большими успѣхомъ въ составъ питательныхъ веществъ. Въ случаѣ надобности экстрактъ этотъ можетъ быть приготовленъ и дома, причемъ будетъ представлять крайне

питательную пищу, вполнѣ пригодную даже для выздоравливающихъ больныхъ. Для этого слѣдуетъ разрезать (по отнюдь не разрубить) на мѣстѣ части кусокъ хорошаго свѣжаго мяса и затѣмъ, опустивъ эти части въ воду, въ которой долженъ быть въ восемь разъ больше вѣса мяса, начать постепенно нагрѣвать ее до кипенія. Послѣ 10—15 минутъ подобнаго состоянія, полученную жидкость процеживаютъ черезъ чистую полотняную тряпку и затѣмъ, погружая сосудъ въ холодную воду, остужаютъ жидкость до тѣхъ поръ, пока она не начнетъ стучаться. Послѣ этого отбѣляютъ жиръ и получаютъ прекрасный, питательный экстрактъ. Изъ двухъ фунтовъ мяса можно получить около пятидесяти граммовъ подобнаго экстракта, который съ успѣхомъ сохраняется въ теченіе шести мѣсяцевъ, не подвергаясь никакой порчѣ. (м.)

Чистка матерій. Жидкости, употребляемыя для выводки пятенъ и чистки матерій, должны быть сколько возможно горячія. При этомъ, чтобы выводить жирныя пятна, растворъ одной буры, не смотря на установившееся

мнѣніе, не достаточно хорошъ. Лучшее всего употреблять мыльную вѣшу, съ нѣкоторой примѣсью амонака для цвѣтныхъ матерій, и буры для бѣлыхъ, въ особенности для шерстяныхъ тканей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы матеріи не садились и не дѣлались жесткими, никогда не слѣдуетъ сушить ихъ на солнцѣ; самымъ же лучшимъ средствомъ для этого является постоянно возобновляемое теченіе воздуха, нѣсколько согрѣтаго зимою. (м.)

Замокъ бывшаго князя Болгарскаго. Князь Александръ Баттенбергскій приобрѣлъ недавно, за триста тысячъ франковъ, въ Швейцаріи замокъ Шарлоттенфельсъ, лежащій на пути изъ Шафгаузена въ Цюрихъ, гдѣ онъ и расчитываетъ окончательнѣе поселить-

„Показать языкъ? А не хочешь ли зубы!“

выставлено болѣе тысячи предметовъ. Рѣшенія жюри были обставлены весьма строго. Надо было получить высшій отзывъ отъ трехъ комиссій (спеціальныхъ по столярному дѣлу, механическому — и артистически-звуковому взытанію), независимыхъ одна отъ другой, чтобы имѣть право на полученіе высшей награды — золотой медали. И на всю массу награжденных экзюбенентовъ выданы за фортепیانное производство *только 3 золотыя медали*, а именно: Штейнвейгъ въ Нью-Йоркѣ, К. М. Шредеръ въ Шпбургѣ и Шидмайеръ въ Штутгардѣ. Нѣкоторыя германскія и другія фирмы, узнавъ о результатѣ жюри, посѣщали отказаться отъ состязанія и вывели на своихъ издѣліяхъ „Porg concours“ (внѣ конкурса).

ся съ весны будущаго 1887 года. Текущій зимній сезонъ князь Александръ намѣренъ провести въ Вѣнѣ и Парижѣ. (м.)

Мелодипедъ. Въ городѣ Балтиморѣ изобрѣтенъ недавно особый конструкціи музыкальный велосипедъ, называемый мелодипедомъ. Какъ только экипажъ этотъ приводится въ движеніе, то помѣщенный внутри его музыкальный ящикъ начинаетъ исполнять всевозможнаго рода шессы. Вотъ уже по истинѣ экипажъ для мелемановъ, на которомъ можно будетъ совершать музыкальныя прогулки. (м.)

О вредѣ употребленія покрытой трещинами фаянсовой посуды. Много разъ уже было говорено о вредѣ, который можетъ произойти отъ употребленія въ больницахъ надтреснутыхъ фаянсовыхъ блюдъ и тарелокъ и глиняныхъ горшковъ. Не говоря уже о случаяхъ отравленія свинцомъ, заключающемся въ большомъ количествѣ въ глазури простой фаянсовой посуды, употребленіе покрытыхъ мелкими трещинами тарелокъ можетъ представлять и другія, весьма серьезныя опасности. Такъ, при пользованіи подобной посудой больными, страдающими заразительными болѣзнями, въ трещинахъ ея могутъ оставаться заразительныя частицы, не уничтоженныя даже при самомъ тщательномъ мытьѣ посуды. Твердый фарфоръ не представляетъ подобнаго рода неудобствъ и остается пожалуй только, что пользованіе имъ, въ виду довольно высокой цѣны, далеко не доступно всякому хозяйству. Что же касается надтреснутыхъ глиняныхъ горшковъ, то въ нихъ наблюдаются крайніе оригинальныя явленія броженія жидкостей. Такъ, если въ такомъ горшкѣ случалось уже окисить молоко или бульонъ, то налитыя въ него свѣжія, тѣ же жидкости быстро начинаютъ бродить. Въ виду всего сказаннаго, слѣдовало бы окончательно изгнать изъ употребленія покрытую трещинами дешевую посуду, тѣмъ болѣе что собиравшаяся этимъ экономія можетъ имѣть печальныя послѣдствія. (м.)

Вновь изобрѣтенный снарядъ для одновременнаго соблюденія такта оркестромъ и хорами, во время оперныхъ представленій. Покойный композиторъ Берлиозъ, въ своемъ сочиненіи „Traité d'instrumentation“, утверждалъ, что исполнѣе удовлетворительное исполненіе музыкальныхъ произведеній можетъ быть достигнуто лишь на изобрѣтеніи прибора, который бы одновременно показывалъ тактъ дирижерамъ оркестра и хоромъ. Задача эта въ настоящее время разрѣшена въ Парижѣ инженеромъ Карпантье и изобрѣтенный имъ снарядъ дѣйствуетъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дней съ большимъ успѣхомъ въ парижской Grand Opera. Приборъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: дирижеръ оркестра, размахивая своей палочкой, ударяетъ одновременно поочередно въ находящуюся у его ногъ квадратную пластинку и затѣмъ, съ помощью особаго приспособленія, приводимаго въ дѣйствіе электричествомъ, удары эти передаются за кулисы, гдѣ находится обыкновенно дирижеръ хоровъ и гдѣ придѣланная къ прибору палочка воспроизводитъ совершенно одинаковыя движенія съ магнитескимъ железомъ капельмейстера. Такимъ образомъ мечта Берлиоза осуществилась и употребленіемъ этого снаряда, крайне непрактичный, простой механизмъ замѣненъ метрономомъ инженера Карпантье. (м.)

Новое примѣненіе велосипеда. Почтовое управленіе г. Вѣны рѣшило ввести въ употребленіе, для доставки писемъ по городу и въ окрестностямъ, велосипеды, и въ настоящее время, нѣсколько человекъ почталюновъ упражняются въ ѣздѣ на трехколесныхъ велосипедахъ по отдаленнымъ, дурно вымощеннымъ улицамъ австрійской столицы, для испытанія насколько нововведеніе это окажется удобнымъ и практичнымъ. (м.)

Любовь къ музыкѣ у рыбъ. Американецъ полковникъ Барглетъ произвелъ недавно крайне любопытныя наблюденія надъ рыбами, убѣдившись его, что животныя эти являютъ извѣстную степень меломаніи или, вѣрнѣе сказать, умѣютъ отличать звукъ отъ простого шума. Каждому хорошо извѣстно, что почти у всѣхъ морскихъ животныхъ отлично развито чувство слуха; что же касается рыбъ, то даже малѣйшій шумъ заставлялъ ихъ спасаться; звукъ же, въ особенности произведенный человѣческимъ голосомъ, привлекаетъ ихъ, услыша послѣдній, онѣ немедленно останавливаются. Для большаго подтвержденія своихъ изслѣдованій, мистеръ Барглетъ выѣхалъ рано утромъ, когда еще господствовала полнѣйшая тишина, въ лодкѣ на озеро, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей, обладавшаго прекраснымъ басомъ, причемъ могъ отлично наблюдать вышеописанное явленіе. (м.)

Оригинальное коммерческое предпріятіе. Въ г. Чикаго образовалось недавно крайне оригинальное общество, имѣющее цѣлью производить, за весьма незначительную абонементную плату, а именно три доллара въ мѣсяцъ, мелкій ремонтъ домовъ и квартиръ, какъ-то: вставки, вмѣсто разбитыхъ, новыхъ оконныхъ стеколъ, починку замковъ, звонковъ, газовыхъ и водопроводныхъ трубъ, поѣмку часовъ и т. п. Агенты названнаго общества посѣщаютъ разъ въ недѣлю абонентовъ, чтобы убѣдиться—все ли въ исправности, и въ случаѣ надобности посылаютъ всевозможнаго рода спеціальныхъ рабочихъ, имѣющихся въ распоряженіи общества. (м.)

Послѣдствія землетрясеній въ Чарльстоунѣ. Издающаяся въ Чарльстоунѣ нѣмецкая газета сообщаетъ по этому предмету слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „Вслѣдствіе чрезвычайныхъ явленій природы, умами овладѣла у насъ сильная тревога и первое возбужденіе, приводящее нерѣдко къ болѣзнямъ. До землетрясенія тревога эта замѣчалась у животныхъ: особенно кошки и собаки выказывали сильное беспокойство. Нѣкоторыя собаки были по цѣлымъ ночамъ передъ землетрясеніемъ. Теперь домашнія животныя успокоились: только птицы, по видимому, продолжаютъ чувствовать, что токъ воздуха все еще ненормаленъ, и потому вечеромъ тревожно

лестаютъ по всемъ направленіямъ, и частью даже совсѣмъ улетѣли изъ города. Какъ видно, выдѣленіе изъ земли газовъ измѣнило въ извѣстной мѣрѣ атмосферу, и люди должны перемѣнить образъ жизни, чтобы освоиться съ новыми химическими соединеніями въ воздухѣ. Какъ бы то ни было, тревога существуетъ, и обывателями овладѣла такая страсть къ высленію, что городъ рискуетъ лишиться половины жителей. Перры также высленіи въ весьма значительныхъ размѣрахъ черезъ Нью-Йоркъ въ Либерию. (н.)

Въ Нью-Йоркскомъ портѣ погасъ электрическій свѣтъ на знаменитой статуѣ „Свобода“, поднесенной французскими Соединенными Штатами. Оказалось, что нью-йоркцы, принявъ подарокъ отъ Франціи, не позаботились совсѣмъ о томъ, кто долженъ доставлять электрическое освѣщеніе для нея. Первые дни статуя освѣщалась за счетъ комитета, принявшаго на себя устройство праздника, но случаю отпріятія статуи, но для поддержанія освѣщенія у коммисіи не хватало средствъ. Авторъ статуи, скульпторъ Вергольцъ, пригрозилъ, что въ случаѣ если нью-йоркское городское управленіе не ассигнуетъ извѣстнаго капитала на освѣщеніе электричествомъ статуи, то онъ постарается собрать нужныя средства среди французовъ, проживающихъ въ Америкѣ. (н.)

Долговѣчныя птицы. Извѣстно, что птицы иногда достигаютъ глубокой старости. Увѣряютъ, что лебеди могутъ прожить до 300 лѣтъ. За лебедями слѣдуютъ соколы, о которыхъ говорятъ ученыя, что знали птицъ этой породы, прожившихъ 162 года. Такой же или еще болѣе глубокой старости достигаютъ орлы и коршуны. Такъ, въ 1799 году, умеръ орелъ-карагуштъ, найманный 104 года назадъ, и до того вѣроятно прожившій не мало лѣтъ. Вѣстовой коршунъ, пойманный въ 1706 году, умеръ въ сенбургскомъ звѣринцѣ, въ окрестностяхъ Вѣны, въ 1824 году, проживъ такимъ образомъ въ неволѣ 118 лѣтъ. Попугай даже въ клѣткѣ живетъ до 100 лѣтъ и болѣе. Еще Александръ Гумбольдтъ рассказывалъ объ одномъ попугаѣ, видѣнномъ имъ во время путешествія по Америкѣ: „Нидѣйцы не понимали языка попугая, такъ какъ онъ говорилъ парѣчьемъ давно вымершихъ ануровъ“. Какъ хищныя птицы и попугаи, такъ равно морскія и болотныя птицы переживаютъ цѣлыя поколѣнія людей. Кукушка также живетъ очень долго. По словамъ Паумана, воронъ можетъ прожить до 200 лѣтъ; сороки даже въ неволѣ живутъ отъ 20—25 лѣтъ, а на свободѣ, конечно, онѣ живутъ гораздо дольше. Бывали случаи, что куры жили по 15 и 20 лѣтъ. Фининъ живетъ до 15 лѣтъ; нидѣйскій пѣтухъ до 10 лѣтъ. Мелкія пѣвчія птицы живутъ отъ 8 до 18 лѣтъ. Соловей можетъ прожить 10 лѣтъ. Канарейка въ клѣткѣ живетъ до 15 лѣтъ, а на своей родинѣ, на Канарскихъ островахъ, живетъ гораздо дольше. (н.)

Австрійская императрица въ послѣднее время стала весьма усердно заниматься стрѣльбою въ цѣль и предпочитаетъ это удовольствіе всѣмъ другимъ. Помянуто, что императрицу послѣдовали многія придворныя дамы и стрѣльба въ цѣль сдѣлалась модною игрушкой австрійскихъ аристократокъ. По приказанію императрицы во дворцахъ, гдѣ она проводитъ время, въ Лайпцѣ, Гелде и Инштѣ устроены особые домики для стрѣльбы въ цѣль. (н.)

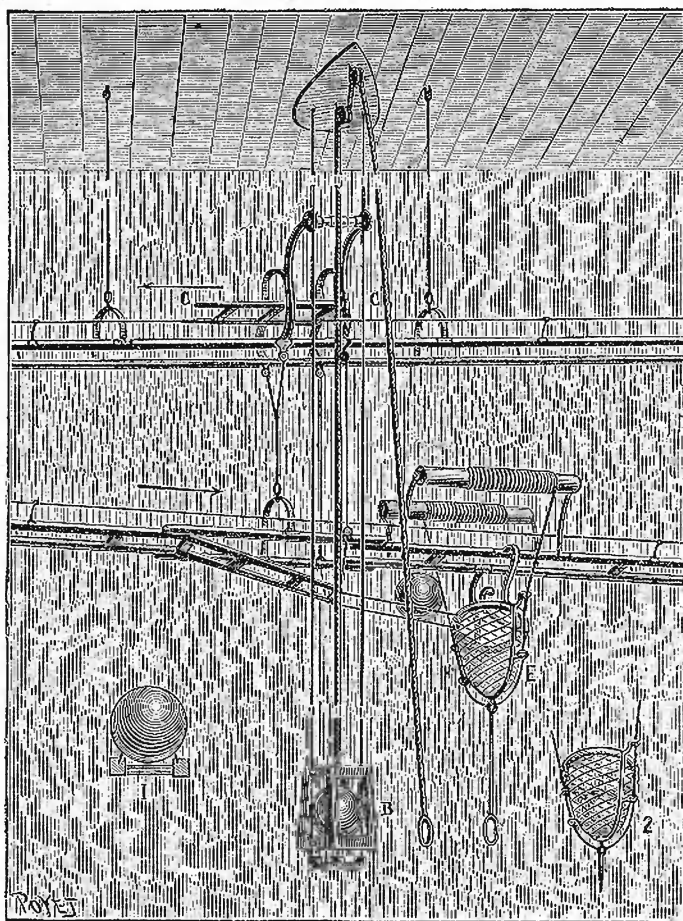
Новыя раскопки. Произведенныя недавно около г. Рамзина раскопки. Открыты остатки цѣлаго венскаго (славянскаго) поселенія; подробно изслѣдована уже часть обнаруженной доисторической почвы. Мѣстности всего найденнаго поселенія не удалось еще опредѣлить въ точности. Найдена масса глиняныхъ сосудовъ и копей всевозможныхъ домашнихъ животныхъ. Изъ осколковъ украшенныхъ орнаментами въ видѣ параллельныхъ горизонтальныхъ или волнообразныхъ линий, а на дѣлѣ сосудовъ изображены кресты. Кромѣ того найдена масса четырехугольныхъ, правильно отшлифованныхъ гранитныхъ плитъ въ нѣсколько дюймовъ длины и ширины и однихъ дюймовъ толщины, также нѣсколько желѣзныхъ вещей. Изъ украшеній удалось найти маленькое колечко изъ бронзовой проволоки, одинъ конецъ котораго оканчивается въ видѣ бѣглаго. Подобныя кольца находятся обыкновенно около череповъ откапываемыхъ скелетовъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ прежде обитали славянскія племена, и составляють очевидно употребленные у славянъ украшеніе. Кольца эти, а равно волнообразныя украшенія и кресты на дѣлѣ сосудовъ служатъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что обитатели открытаго селенія принадлежали къ венскому племени. (м.)

Европейскіе костюмы въ Японіи. Японскій дворъ желаетъ окончательно пріобрѣсти сиронейскій характеръ. Императрица японская дала недавно приказъ, чтобы всѣ дамы, приглашаемыя на придворныя балы и празднества, были непремѣнно одѣты въ сиронейскіе костюмы. Равнымъ образомъ японскія дамы воспрещается носить ихъ національныя прически, замѣнивъ ихъ сиронейскими. (м.)

Къ числу грандіозныхъ сооруженій нашего времени можно отнести громаднѣйшіе часы, надъ устройствомъ механизма для которыхъ трудится въ настоящее время одна фирма въ Нью-Йоркѣ. Это по истинѣ грандіознѣйшее сооруженіе, которое когда-либо выходило изъ часовыя мастерской. Циферблатъ этихъ часовъ имѣетъ въ діаметрѣ 25 фут., т. е. болѣе 3½ сажень. Часы будутъ установлены на углу двухъ улицъ и сдѣлаются, конечно, одной изъ самыхъ интересныхъ достопримѣчательностей Нью-Йорка. Едва ли надо говорить, что механизмъ этихъ колоссальныхъ часовъ будетъ двигаться при посредствѣ электричества, во-первыхъ, потому, что эту силу удобнѣе, чѣмъ какую-либо другую, примѣнять ко всякой работѣ, а во-вторыхъ, потому еще, что обыкновеннымъ заводнымъ механизмомъ едва-ли можно было и восполноваться для такого колосса. (н.)

Крайний предѣлъ быстроты желѣзно-дорожнаго поѣзда. Американскія газеты сообщаютъ фактъ необычайно-быстраго пробѣга желѣзно-дорожнаго поѣзда между городами Сиракузы и Буффало, на разстояніи 240 верстъ. Такъ называемый „Газетный поѣздъ“, специально доставлявшій по уграмъ изъ Сиракузъ въ Буффало журналы и газеты и состоящій изъ локомотива, тендера, одного пассажирскаго и одного багажнаго вагоновъ, совершилъ 8-го минувшаго августа, этотъ двухсотсорокаверстный переѣздъ въ 144 минуты, со включеніемъ шестиминутной остановки, т.е. со скоростью 99,6 верстъ въ часъ. До такой быстроты не доходилъ еще въ Америкѣ ни одинъ желѣзно-дорожный поѣздъ. (п.)

Число студентовъ Берлинскаго университета. Берлинскій университетъ занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто въ Германіи по числу студентовъ, равняющемуся 5357 человѣкамъ. Изъ нихъ 794 студента состоятъ на богословскомъ факультетѣ, 1282 на юридическомъ, 1297 на медицинскомъ и 1984 человѣка на философскомъ факультетѣ. 4092 студента берлинскаго университета принадлежатъ къ уроженцамъ Пруссіи, а 740 человѣкъ подданные остальныхъ германскихъ государствъ. Изъ другихъ европейскихъ государствъ въ университетъ состоятъ: 98 русскихъ, 97 ав-

Передвижные шары для уплаты, въ большихъ магазинахъ за-границей.

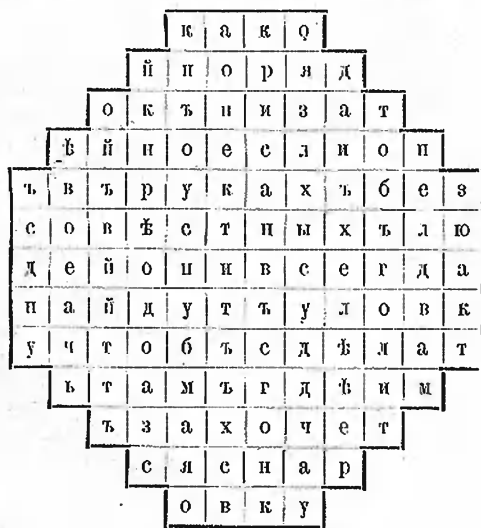
стрийцевъ и 80 швейцарцевъ, 174 студента уроженцы прочихъ частей свѣта и въ томъ числѣ: 148 американцевъ, 22 японца, 2 абиссинца и 2 австралійца. (м.)

Переѣздъ черезъ Ниагарскій водопадъ за пять долларовъ. Въ Сѣверной Америкѣ все больше и больше входитъ въ моду переплывать пороги Ниагарскаго водопада. Подобно малометанну, считающему своей священной обязанностью хоть разъ въ жизни побывать въ Меккѣ, каждый анки стремится непременно переправиться черезъ Ниагарскіе пороги. Недавно молодая дѣвушка, лѣтъ 18, м-лс Алленъ благополучно совершила этотъ подвигъ въ бочкѣ въ обществѣ нѣкоего Вильяма Потса, причѣмъ отдѣлалась лишь нѣсколькими ушибами. Дѣвица эта держала пари на пять долларовъ, что она переправится черезъ Ниагарскую пучину безъ страха и крика. Слѣдствіемъ совершеннаго ею опаснаго путешествія было то, что миссъ Сади-Алленъ вышла замужъ за своего спутника, мистера Потса. (м.)

Въ Филадельфіи строятъ въ настоящее время домъ изъ соломы. Домъ этотъ предполагается послать на американскую выставку въ Лондонѣ. Весь домъ будетъ трехъ-этажный и весь матеріалъ для постройки, какъ-то: строила, своды, фундаменты, крыша и т. п. будутъ изъ соломы и изъ соломенной массы, точно также, какъ и вся мебель внутри дома, украшенія и пр. (п.)

Рѣшеніе алгебраической задачи № 81 (помѣщ. въ № 48).

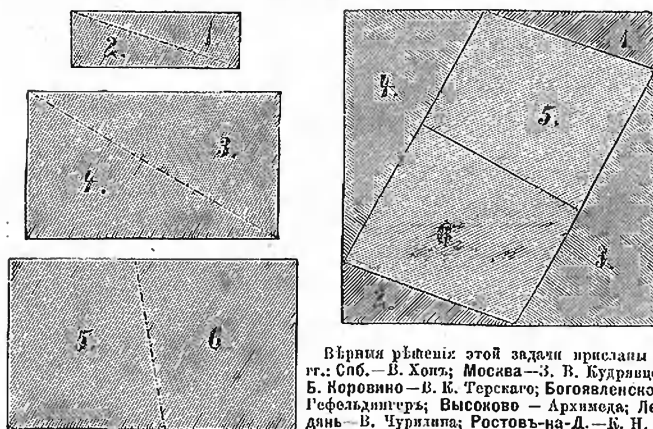
1) a b - c = 6a	a = 1 = A	14) n k - g = 3t	n = 17 = P
2) b h = 3 = f6	b = 15 = 0	15) o t = n - o	o = 14 = H
3) c d - f = 3	c = 9 = И	16) p v + x = t + w	p = 8 = 3
4) d f + a + 2 = d d = 33 = Я		17) q m + r + 2 = n + q	q = 19 = T
5) e h - g = 4 i	c = 6 = E	18) r k - l = 18	r = 18 = C
6) f w - s = 3 y	f = 30 = Б	19) s r - m = u	s = 12 = Л
7) g c + e = b	g = 20 = Y	20) t i = 8 = g: x	t = 3 = В
8) h 2(r - p) = g	h = 28 = Ы	21) u j - l = s + y	u = 2 = Б
9) i v - s = t + u + x	i = 32 = Ю	22) v 2t = u + y	v = 22 = X
10) j c - a - 2 = e	j = 27 = Ъ	23) w s y = t: l	w = 21 = У
11) k j - g = 1/2 h	k = 29 = Ъ	24) x q - p = m - x	x = 5 = Д
12) l o + p = i - 2x	l = 11 = Н	25) y z + t = 16	y = 4 = Г
13) m 2x = z - t	m = 16 = П	26) z w - v = u	z = 13 = М

„Какой порядокъ ни затѣй, но если онъ въ рукахъ безсѣстныхъ людей—они всегда найдутъ уловку, чтобы сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Ф. А. Боронина, В. Миллеръ, М. Юргисъ, Г. Пилипъ, И. Петрова, Монахова, А. Петерсона, М. Пилипъ, А. Паулюса, Кронштадтъ—Б. Митомскаго.

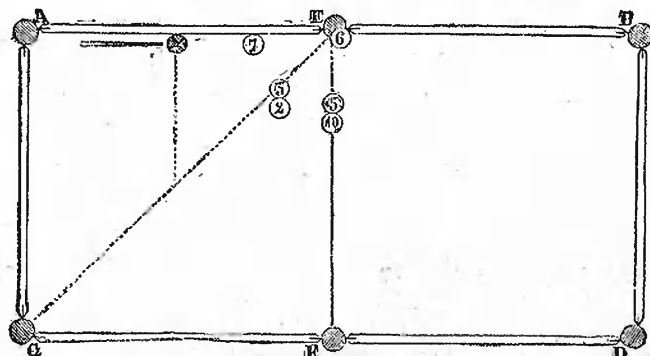
Рѣшеніе геометрической задачи № 78 (помѣщ. въ № 46).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—В. Хопъ; Москва—З. В. Кудряшова, Б. Морозовъ—В. К. Терскаго; Богооявленское—Г. Гельфандъ; Высоково—Архимедъ; Лебедянь—В. Чурилинъ; Ростовъ-на-Д.—К. Н. Давыдовъ; Токсово—Д. Д. Лавина; Тульча (Румынія)—И. Васильева.

Рѣшеніе биллиардной задачи № 80 (помѣщ. въ № 48).

Ударяютъ спокойно и сильно въ шаръ 7, онъ въ свою очередь сталкивается съ шаромъ 6 и, отразившись по перпендикулярному направленію къ длинному борту АВ, ударяетъ по 5, послѣ чего 10 падаетъ въ лузу 5, и партія кончается.

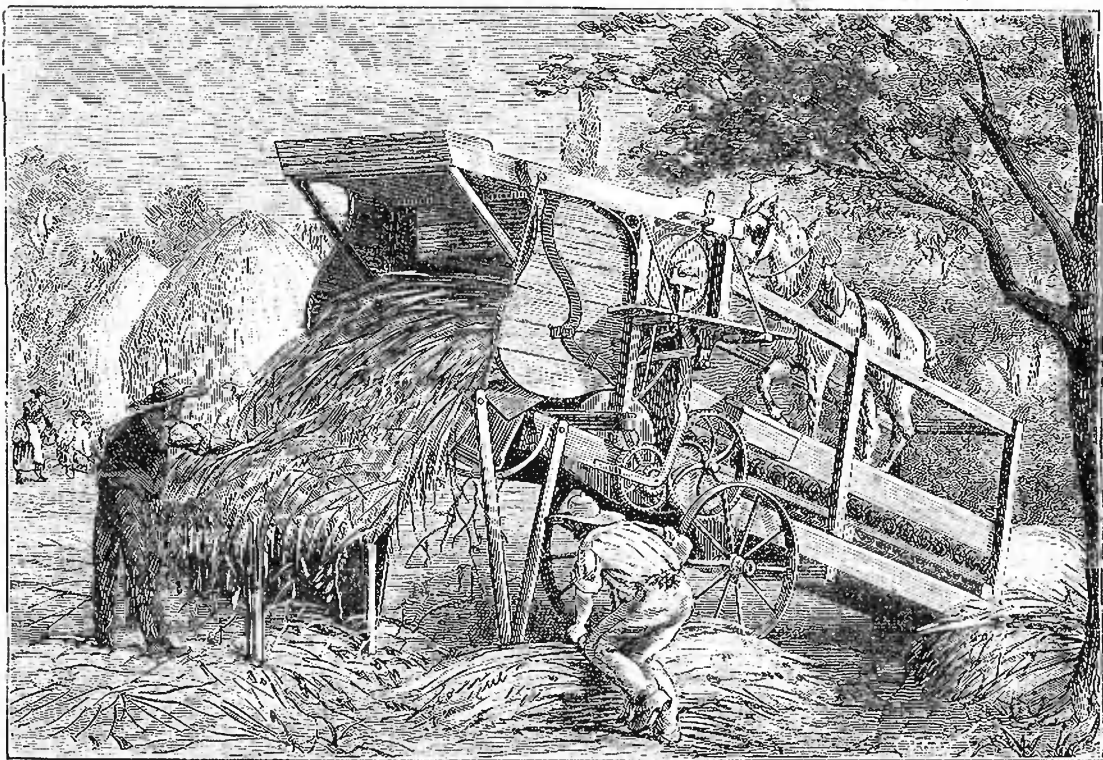
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—О. Ф. Поляковой, Е. Кохъ; Москва—А. А. Семенова, Владиславовъ—Ф. Ужунисъ; Козловъ—Крестова.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

При слѣдующемъ Рождественскомъ № 52-мъ будутъ приложены для всѣхъ нашихъ гг. и ковь два прекрасно исполненныхъ пейзажа-акварели: профессора О. С. Премацци и художника Каразина. Номеръ этотъ, для сохраненія акварелей, будетъ высылаться не согнутымъ и не вѣсивъ въ папку.

Въ виду нѣкоторыхъ запросовъ со стороны нашихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые затрудняются прислать всю подписную сумму (6 р.) разомъ, мы согласны удовлетворить ихъ желанія и сдѣлать слѣдующую разсрочку:

Въ два срока: слѣдуетъ прислать при подпискѣ 3 р. и къ 1-му юня 1887 г. 3 р. или въ три срока: при подпискѣ 2 р., къ 1-му марта 2 р. и къ 1-му юля остальныхъ 2 р.; причемъ подписавшіеся не теряютъ права на получение всѣхъ бесплатныхъ приложений и премій.

Молотилка, приводимая въ движеніе вѣсомъ и ходомъ лошади.

Для избѣжанія остановки въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1887 года.

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ списки только небольшими количествами, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ для ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Н. Посьетъ (съ портр.). — Предсказаніе. Письмо В. Желиховской. (Окончаніе). — Стихотвореніе Я. П. Полонскаго — Призракъ на кораблѣ. Разсказъ Г. Ла-Люберна. — Величайшая обсерваторія въ мірѣ. — Къ рисункамъ: Въѣздъ Іоанна Грознаго въ Новгородъ (съ рис.). — У костра (съ рис.). — Молодая дѣвушка (съ рис.). — Церковь св. Георгія во Псковѣ (съ рис.). — Луная ночь на морскомъ берегу (съ рис.). — Изобрѣтатель (съ рис.). — Длинноплечные колибри (съ рис.). — Больной и докторъ (съ 2 рис.). — Кассовые шары для уплаты (съ рис.). — Новая молотилка (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Сибирь. — Рѣшенія задачъ. — Заявленія. — Страничка изъ „Музелиста“. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ Ф. Бергъ.